

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Журавлева О. М.* Дмитрий Петрович Голицын – представитель
русского консерватизма начала XX века 3
- Лановой П. В.* Специфика формирования местного самоуправления
в контексте трансформации механизма российского государства
IX – начала XX вв. 8
- Лютиков М. Ю.* Выборы 1996. Второй тур. Союз генерала
с президентом 14

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Воробьева А. В.* Христианизация и языческие традиции
в системе этнокультурного диалога 19
- Картошкина С. В.* Социальная среда как социокультурный
фактор управления имиджем 25
- Мамина Р. И., Ронзина М. Д.* Корпоративная культура
и ее специфика 29

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Решетников А. В.* Проблемы семиотики: постмодернизм
и деконструктивистское литературоведение Жака Деррида 36
- Смирнова Е. А.* Некоторые особенности компьютерного
жаргона русского языка 44
- Яковлев Б. Н.* Фантом двойности в структуре
терминологического значения 51

Редакционная коллегия:

О. Ю. Маркова
(главный редактор),
Н. К. Гигаури
(ответственная за выпуск),
В. В. Калашников,
С. Л. Бурлакова,
О. А. Преображенская,
А. В. Ранчин,
Е. В. Строецкая

Редактор *И. Г. Скачек*
Комп. верстка *Е. Н. Паздниковой*

Подписано в печать 28.12.07 г.
Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс».
Печать: ризограф.
Печ. л. 6,75.
Тираж 100 экз. Заказ .

Издательство
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

197376, Санкт-Петербург,
ул. Проф. Попова, 5

© СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2007

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ ГОЛИЦЫН – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА НАЧАЛА XX ВЕКА

Посвящена анализу общественно-политических взглядов одного из ярких представителей русского консерватизма начала XX века, Д. П. Голицына.

История России, история общественной мысли, XX век, Д. П. Голицын, Русское собрание

Князь Дмитрий Петрович Голицын (Голицын-Муравлин) родился в Висбадене (Баден) 6 декабря 1860 г. и, прожив почти 68 лет, умер 3 [16] декабря 1928 г. в Вышеграде (Вишград) (Венгрия). Князь был широко известен своей общественной и государственной деятельностью, которую он совмещал с творчеством на литературном поприще. Дмитрий Петрович долгое время печатался под двумя псевдонимами – Муравлин и Чертков, один из которых – Муравлин – во внимание к его литературным трудам 10 сентября 1912 г. Высочайшим указом было разрешено присоединить к его фамилии.

Князь Голицын из рода Гедиминовичей получил образование в Императорском Александровском лицее, который закончил в 1881 г. Карьеру государственного чиновника он сделал в Государственной канцелярии, где занимал разные должности, пока в 1902 г. не стал членом Комитета при Министерстве внутренних дел по пересмотру законов о театре и зрелищах. За этот период (с 1882 по 1902 гг.) он был повышен в чине с коллежского асессора до действительного статского советника.

В дальнейшем князь являлся членом Совета министра народного просвещения, занимал разные должности в Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии, получил в 1909 г. чин тайного советника. После увольнения с должности главноуправляющего канцелярией он был назначен членом Государственного совета, и с 1912 по 1917 гг. ежегодно назначался к присутствованию в Государственном совете. В силу своих политических убеждений он принадлежал к группе правых. В разное время Дмитрий Петрович являлся членом особого учебного комитета, а также финансового комитета Государственного совета.

В мае 1917 г. Д. П. Голицын был оставлен за штатом, а в декабре уволен со службы. В 1920 г. он эмигрировал, в 1921 г. был избран уполномоченным Высшего монархического совета в Венгрии, затем отошел от политической деятельности, продолжая печататься в монархической прессе. В эмиграции состоял при великом князе Кирилле Владимировиче.

За время своей служебной карьеры князь удостоился многочисленных наград, среди которых орден Святого Владимира III степени (1896), черногорский орден кн. Даниила I II степени (1900), орден Станислава I степени (1902), орден Святой Анны I степени (1905), орден Святого Владимира II степени (1907), орден Белого Орла (1912), орден Святого Александра Невского (1916).

Д. П. Голицын был активным общественно-политическим деятелем начала XX в. Будучи приверженцем консервативной идеологии, в 1901 г. он стал одним из учредителей, а также и председателем совета Русского собрания, с 1906 г. являлся почетным членом Русского собрания. Его общественная деятельность связана с членством во многих обществах и комитетах, таких как совет Общества ревнителей русской истории и просвещения в память императора Александра III (1909), дирекция Литературно-художественного общества, комитет Пушкинского лицейского общества.

Дмитрий Петрович еще до того, как стал известен своим «правым» мировоззрением, попробовал свои силы в литературном творчестве. Начав с поэзии, он реализовал себя в жанрах прозы, беллетристики и публицистики. Литературная деятельность князя началась с публикации в «Живописном обозрении» 14.04.1879 г. двух стихотворений под именем Дмитрия Черткова. В качестве первого литературного псевдонима была использована девичья фамилия его матери. Беллетристические произведения издавались под псевдонимом Д. Муравлин. С середины 1880-х гг. прозаические произведения Д. П. Голицына выходили отдельными изданиями. Первая книга очерков, увидевшая свет в 1884 г., была посвящена жизни «золотой молодежи» и называлась «Убогие и нарядные». За ней последовали романы: «Тенор» (1885), «Баба» (1885), «Мрак» (1886), «Хворь» (1886), «Около любви» (1887), «Рубли» (1889), «Дети» (1893); а также собрание повестей и рассказов: «Князя» (1888), «Не убий» (1890), «Суд идет» (1891), «В толпе» (1894), «Будни» (1895), «Поэзия» (1895). Его же перу принадлежат очерки путешествий «У синя моря» (1898) и собрание рассказов «В Петербурге» (1899). Наступивший XX в. вдохновил князя на написание драматических произведений – «Кашей» и «Сон Услады» увидели свет в 1903 г. Еще одна драма «Углическое действо. Исторические картины» была опубликована в 1912 г.

Если в своих первых романах и очерках Дмитрий Петрович выступал, скорее, как литератор, то поздние его романы – «Вавилоняне» (1900), «От смутных дней» (1902), «На безлюдье» (1903), «На Руси» (1903) – несли отпечаток политических убеждений. Позднее (1904–1921) князь отошел от художественной прозы и все чаще писал публицистические статьи, направленные на анализ злободневных проблем современного ему общества.

Многие произведения Д. П. Голицына были посвящены «бытописанию», характеристике разрушающихся аристократических семей, старых служивых родов. О его творчестве в энциклопедии Брокгауза и Ефрона отмечалось, что «талант автора не из заурядных, но некоторая односторонность и неумение отделять область психологии от области психиатрии лишают его романы более глубокого литературного значения» [1]. В. Ф. Воскресенский, автор статьи, посвященной 25-летию литературной деятельности Голицына, иначе оценивал его талант. Говоря о творчестве Голицына второй половины 1890-х гг., он отмечал, что князь показал себя «еще более разнообразным и необыкновенно чутким писателем» [2, с. 53]. М. М. Бородкин во время того же празднования отметил, что Д. П. Голицын в своих сочинениях остался тем же «психологом», но отношение критики изменилось, поскольку в произведениях все чаще стали подчеркиваться «русские идеи, русские национальные требования» [2, с. 63]. Не желая умалить достоинств князя, все же отметим, что все положительные отзывы о его творчестве были опубликованы во время празднования 25-летнего юбилея его творчества и априори должны были содержать позитивную

оценку творчества чествуемого автора. В связи с этим более объективной все же будем считать оценку составителей энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Однако их статья о Д. П. Голицыне была составлена в 1890 г., и в ней не нашло отражения мнение современников и исследователей о более позднем творчестве князя.

Известны и отзывы о драматических произведениях Дмитрия Петровича. О его первой пьесе «Максим Сумбулов» отрицательно отзывался А. С. Суворин, поставивший ее в своем театре в 1899 г., видимо, из-за занимаемой князем должности: «Что делать с пьесой князя Д. Голицына, не знаю. Знаю только, что она плоха. Сегодня прибежал Плющик* и сообщил, что вместо Горемыкина – Сипягин, а вместо Соловьева – Голицын. Вот тут и попробуй отказать в постановке», – писал он в своем дневнике [3, с. 354]. О попытке князя поставить пьесу по своему роману «Баба» тот же А. С. Суворин отозвался следующей тирадой: «Этот господин, пишущий в журнале Кугеля драматическую критику, а в Государственном совете неизвестно что, очевидно, хочет пользоваться своим положением. Печать его не выругает, Императорский театр не возьмет его вещей, и вот он всякую дрянь свою преподносит мне» [3, с. 369–370]. Возможно, из-за отношения А. С. Суворина к своим произведениям Д. П. Голицын поставил сказку-драму в стихах «Кощей» в Петербургском Народном доме. В отличие от эмоциональной оценки А. С. Суворина, нейтральное и взвешенное отношение к Голицыну высказал исследователь отечественной словесности П. Н. Полевой, отметивший, что уже первый роман «Тенор» обратил на себя внимание критики и публики, и вышедший вскоре после того сборник очерков и рассказов «Убогие и нарядные» пользовался не меньшим успехом. Из последующих произведений П. Н. Полевой отметил роман «Вавилоняне», назвав его самым удачным, и очерки «У Синя моря», охарактеризовав книгу как «весьма любопытную» по славянскому вопросу [4]. Подводя итог приведенным мнениям относительно творчества князя Д. П. Голицына, отметим, что исследовательская оценка такого специалиста и знатока отечественной словесности, каким являлся П. Н. Полевой, представляется наиболее объективной.

Одаренный литератор, Дмитрий Петрович стремился активно выражать и свою политическую позицию, которая определялась его приверженностью национализму «с широким пониманием внутренних и внешних задач России, чуждым шовинизма» [2, с. 53]. Свою позицию князь выражал не только на страницах периодической печати, но и на заседаниях Русского собрания. Еще одной трибуной являлся Государственный совет, где Д. П. Голицын высказывался по наиболее важным для российского общества вопросам.

Будучи приверженцем известной триады «Православие, Самодержавие, Народность», Голицын, выражая также и позицию Русского собрания, отмечал, что «... в своем служении Православию мы не таим желаний противоречить началам благотворной веротерпимости, что наша преданность Самодержавию не означает преданности бюрократическому строю, и что торжество русской народности мы вовсе не видим в угнетении иноплеменцев» [5, с. 1]. Однако приверженность монархической «триаде» делала князя и защитником православия, что снискало ему поддержку в религиозных кругах. Во время празднования 25-летнего юбилея творчества Дмитрия Петровича в речи от общества религиоз-

---

* Плющик-Плющевский (Плющевский-Плющик) Яков Алексеевич – юрист-консульт МВД.

но-нравственного просвещения о. Лахотский отметил, что «духовное общество имеет связь с юбиляром, как светским писателем, провозвестником идей исконной верности православным русским началам» [6, с. 1094].

Оценивая значение государства для русского человека, Д. П. Голицын писал, что «Родина для народности – это свой дом, свой очаг», что «народности родина так же необходима, как человеку семья». При этом Россия им понималась через призму религии, святость и веру: «Русь для нас святая, потому-то она для нас в действительности святыня, потому что она более всех познала борьбу за веру и, если не приобщила себя к мировым крестовым походам, зато творила у себя дома крестовую борьбу» [7, с. 4].

Рассуждая о роли и значении государства, князь отрицал его схожесть с механизмом, для которого граждане – «колесики и винтики», он подчеркивал, что механической исполнительности мало, что «служение родине требует искреннего воодушевления, творчества, веры, силы воли, самоотверженности» [7, с. 11]. Будучи защитником самодержавия в его традиционной форме, он, наравне с остальными членами Русского собрания, воспринял царский манифест 1905 г. не как частичное отречение императора от власти, «преемственно дарованной Ему милостью Божией и русским народом», а лишь как выражение недоверия Николая II к «прежним его советникам», приносившим на подпись законы, направленные в разрез народным интересам, в результате чего император решил «управлять страной при широком содействии народных представителей» [8, с. 1, 2]. Именно «расхищение Царского Самодержавия представителями бюрократического строя, ослабление национального чувства и патриотизма, упадок просвещения и инородческое, в особенности еврейское, преобладание почти во всех областях русской жизни» члены Русского собрания во главе с Голицыным считали причиной всех проблем Российской империи на рубеже веков [9, с. 1]. Наблюдение становится особенно интересным, если принять во внимание что и сам Голицын, и многие другие члены собрания являлись государственными чиновниками высшего звена.

Не только современное ему положение России и государственная система были проанализированы Д. П. Голицыным, он предпринял попытку оценить и взаимодействие России с Западом, современное как ему, так и в ретроспективе. Обращая внимание на значение взаимодействия России со странами Западной Европы, князь считал, что «враждебный Запад повел к сожжению Москвы, но дружественный ее, пожалуй, перестроил бы на свой лад», подводя к мысли, что «России враг никогда не был страшен, если только он не притворялся ее другом» [7, с. 4, 5]. Тем не менее, Голицын считал, что русским «нужно быть знакомыми с нерусскими течениями, насколько они могут отразиться на ходе русского дела. Нам, конечно, следует с этими течениями бороться, но исключительно средствами мирными, просветительными, никого не оскорбляя, без нетерпимости и без раздражения» [7, с. 10]. Таким образом, позиция князя приближается к традиционному призыву «знать врага в лицо», чтобы проще было отстаивать свое собственное, отечественное. В первую очередь, его волновало состояние русской культуры.

Дмитрий Петрович являлся поборником национальной культуры, воспевая значимость отечественных достижений в различных областях знания. С этих же позиций он оценивал и реформы Петра I. Для Голицына они – не зло, а «великие преобразования», ставшие для населения страны «победами, завоеваниями», не несшими «повреждения

русскому духу» [7, с. 5]. Именно эта позиция князя была отмечена в адресе студентов Императорского Санкт-Петербургского университета, поднесенном во время празднования 25-летия его литературной деятельности. Они охарактеризовали его как человека, «обратившего внимание на один из коренных недугов нашего общества: слабоволие, выражающееся в шаткости русского самосознания и беспочвенном стремлении к подражанию якобы готовым зарубежным образцам» [2, с. 61].

Совмещая дар политического оратора и литератора, свое отношение к положению русских в России Д. П. Голицын выражал в романах, вкладывая в уста героев собственные мысли. Так, один из персонажей романа «На безлюдье» Иван Петрович Домков, пытавшийся поставить свою пьесу в театре, сокрушался: «От русской исторической пьесы их корчит. Слишком патриотично. <...> Для нашей инородческой публики нужны другие зрелища, потому что русский человек в театре молчит, так же, как молчит в жизни» [10, с. 140–141], после длительных рассуждений на эту тему тот же герой восклицал: «Разве ты не замечаешь, что за последнее время тяжело стало жить русскому человеку? Чужаки заедают» [10, с. 143].

Д. П. Голицына угнетало современное ему состояние общества, в котором невозможно строить Россию для русских, в то время как все развитые национальные государства мира создавались с выгодой для преобладающей нации. Он был убежденным защитником позиции «Россия – для русских» при терпимом и гостеприимном отношении к приезжим [7, с. 6, 9]. Князь категорически отказывался соглашаться с тем, что европейское – это предмет для подражания, причем не только для русских, в то время как русское признается во всем мире и в том числе самими русскими отсталым. Окружавшая действительность и преобладавшее в обществе мировоззрение виделись князю в мрачных тонах: «Любить свое, родное, вдохновляться пользами своей народности – это признается проявлением отсталости». При этом его возмущало именно то, что «отсталым признается любящий родное только в том случае, если он русский» [7, с. 8].

Наравне с политическим консерватизмом Дмитрий Петрович проявил себя и как идейный консерватор, придерживаясь мнения, что раньше духовности было больше, творчество было разнообразнее и жизнь, в целом, лучше. Среди многочисленных бед современного ему общества одной из основных Голицын считал пьянство: «В череде последних десятилетий мы скользим по водке вниз», в итоге «творчества нет ни в какой области. Великих людей больше нет! А великие люди – не случайное явление, это результат избыточного отложения народных сил, государственной мощи. Их нет! Они были, когда мы родились, когда мы учились – они были, а теперь их нет» [11, с. 5]. В своей речи в Государственном совете, посвященной обсуждению законопроекта о борьбе с пьянством, призывая к искоренению последнего, князь утверждал: «Талант скрылся, его не стало более. Засосало его пьяное болото, на котором булькают скверные пузырьки футуризма, кубизма, модернизма», а современное ему творчество он описывал следующей фразой: «Мы путаемся в мелком кустарнике разъедающей нас бездарности» [11, с. 5, 7].

Подобный пессимизм как нельзя лучше характеризует восприятие Д. П. Голицыным современного ему состояния общества. Перемены политического и социального свойства, направленные не к воскрешению старого, не к развитию национального, а к привнесению нового и чуждого, не могли не вызвать в нем отрицания. Однако он не был противником

реформ вообще, одобряя, например, реформу образования, поддерживая расширение системы средней и высшей школ. Монархические убеждения и принадлежность к древнему роду не позволили князю остаться в Советской России, а бороться за «русскую идею» за границей было практически бессмысленно. Видимо, поэтому период активной политической жизни в Венгрии быстро закончился, оставив время для литературного творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. М.: ТЕРРА-TERRA, 1991. Репр. воспр. Т. 17. С. 53.
2. Воскресенский В. Ф. 25-летие литературной деятельности кн. Д. П. Голицына (Муравлина) // Изв. Рус. собр. 1904. Т. 2. С. 53–76.
3. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстологическая расшифровка Н. А. Роскиной; Подг. текста Д. Рейфилда, О. Е. Макаровой. London: The Garnett Press; М.: Независимая газета, 1999.
4. Полевой П. Н. История русской словесности с древнейших времен до наших дней. СПб., 1900. Т. 3, вып. 12. С. 626–627.
5. Вестник Русского собрания. 1906. № 3.
6. Юбилей князя Д. П. Голицына // Ист. вестн. 1904. Т. 96. С. 1093–1096.
7. Голицын Д. П. О своем доме // Изв. Рус. собр. 1903. Т. 2. С. 3–11.
8. Русское собрание единомышленными партиями, союзам и русскому народу. СПб., 1905.
9. Программа русского собрания. СПб., 1906.
10. Князь Дм. Голицын (Муравлин). На безлюдье: Роман. 2-е изд. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1910.
11. Голицын-Муравлин Д. П. Исконный враг русского народа. Харьков: Мирный труд, 1914.

O. M. Zhuravleva

DMITRIY PETROVICH GOLITSIN – THE REPRESENTATIVE OF RUSSIAN CONSERVATISM OF THE EARLY XXTH CENTURY

The article deals with political ideas and literary heritage of one of the prominent leaders of Russian conservatism, political and public leader, writer D. P. Golitsin. The aim is to analyse the peculiarities of the direction of conservative thought he belonged to through the main issues he paid much attention to.

Russian history, history of public thought, XX century, D. P. Golitsin, Russkoye sobraniye

УДК 352+340

П. В. Лановой

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕХАНИЗМА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА IX – начала XX вв.

Рассматривается история формирования органов местного самоуправления на различных исторических этапах развития российского государства, на основе анализа точек зрения ученых юристов и историков XIX–XX вв.

Самоуправление, органы местного самоуправления

Институты местного самоуправления в России имеют многовековую историю. Становление качественно иных общественно-политических отношений, связанное с переходом от родоплеменных основ к территориально-общинным принципам управления и самоуправления, происходившим во второй половине IX – начале X вв. привело к созданию своего рода «двоевластия»: 1) существовало некое собрание представителей восточнославянских племен, населявших территорию Древней Руси, в последующем эволюционировавшее в самоуправ-

ленческий институт народовластия – вече; 2) повседневная власть осуществлялась вождем-князем, должность которого первоначально, вероятнее всего, была выборной [1, с. 25–26]. Таким образом, подобная двойственность власти сочетала элементы прямого народовластия и представительства (выборности) [2, с. 210–211].

Конец X – начало XI вв. – важнейший рубеж в истории становления русской национальной государственности и права, публичного управления и местного самоуправления. Помимо существования княжеских вотчин – наследственной собственности князей, происходит формирование вольных общин (Новгород, Псков) в рамках которых отношения с князем были основаны на свободном договоре [3, с. 120], [4]. В них сохраняется одна из древнейших форм народного самоуправления вече – орган, через который осуществлялся суверенитет города-государства. Вече стояло выше князя, являясь суверенным государем, владельцем земли, князь же – лишь его орган, простой господин, не более [5, с. 3–49]. Именно в функции вече входило утверждение и низложение князей. Таким образом, источником княжеской власти являлось волеизъявление народа. Поэтому вече могло оказывать активное влияние на князя, отстаивать свои интересы, вносить коррективы в методы, избираемые им для управления республикой, а в случае совершения действий, противоречащих интересам народа, – отстранять князя от власти. Кроме князя новгородское вече выбирало высших представителей гражданской и военной администрации. На всех выборных должностных лиц распространялось право вече на отрешение и изгнание [6, с. 180].

Данное право, исходя из способа формирования вече, свидетельствует о существовании в указанный период исторического развития института ответственности выборных должностных лиц перед населением. Следует отметить, что важнейшими гарантиями новгородской вольности и самоуправления являлись избрание высшей городской администрации и «ряды» (договоры) с князьями. На территории иных земель Киевской Руси княжеская власть со времен Ярослава Мудрого облекается в «наследственные одежды», пришедшие на смену выборности князей и приглашения их на княжение вечевым собранием. Одновременно, начиная с 40-х гг. XII в., киевское вече стало играть все более активную роль в избрании князя, выражая свою поддержку или неодобрение в отношении того или иного кандидата. Вече было компетентно и имело свой голос в решении вопроса о престолонаследии, а в определенных случаях даже требовало *отречения князя*, уже находившегося у власти. Продолжают сохраняться и развиваться самобытные формы и традиции функционирования исторически децентрализованных институтов местного городского, волостного и сельского самоуправления и сословного строя.

Сохранение сочетания принципов централизации и децентрализации местного управления наблюдается и в Московском централизованном государстве. Основным органом местного управления в России XV – первой половины XVII вв. стал институт наместников и волостелей, базирующийся на системе кормлений. Вся полнота власти на конкретной территории принадлежала наместнику или волостелю, исполнявшему от имени центральной власти административные и судебные функции. Об этом свидетельствуют «Уставные грамоты наместничьего управления», в которых четко были указаны их права, обязанности и ответственность. В XV в. был введен институт сотских, старост и «добрых людей», что свидетельствует о вмешательстве местного населения в процесс осуществления власти. Порядок

их функционирования подробно регламентирован в Судебнике 1497 г. (ст. 38). Управление местными делами осуществляли не сами наместники и волостели, а выбираемые населением сотские и старосты.

Начало коренной реформы местного самоуправления связывают с изданием в период правления Ивана IV «Приговора царского о кормлениях и о службах». Актом предусматривалось проведение реорганизации местного самоуправления посредством постепенного сужения полномочий наместников с последующим их перераспределением в пользу выборных губных учреждений. В 1551 г., указом Ивана IV была упразднена система кормлений и введены земские учреждения, которые избирались на неопределенный срок и не имели сословного характера. Земская власть осуществлялась выборными населением лицами – земскими старостами («излюбленными головами»), а также земскими дьяками и «лучшими людьми»: целовальниками, земскими судьями. Земская власть наряду с осуществлением управления местными делами действовала и в интересах государственной власти как ее орган. «Выборные миром старосты несли ответственность за свои служебные ошибки не перед избирателями, а перед центральной правительственной властью. В грамотах встречаются указания на то, что старост ожидает за служебные упущения смертная казнь «от меня, от царя и великого князя» [7, с. 52].

В числе положительных результатов проведенной реформы местного самоуправления исследователи называют предоставление местному населению большей возможности участвовать в управлении местными делами, что в конечном итоге должно было привести к более ответственному поведению местных органов, а также установление принципа выборности, подразумевающего возможность контроля со стороны выборщиков. Однако возможность осуществления контроля за деятельностью земских учреждений принадлежала, в основном, государству, а не местному населению. Осуществление же надзора за деятельностью должностных лиц местного самоуправления со стороны местного населения было ограничено, фактически оно сводилось к процедуре избрания миром (либо неизбрания) старосты. Таким образом, служба в земских и губных учреждениях той эпохи выглядит весьма схожей с исполнением государственной повинности.

Государство, идя по пути усиления централизации, в XVII в. вновь провело реформу местного управления, введя должность воеводы, которая замещалась посредством назначения, осуществляемого центральной властью. По отношению к органам местного самоуправления воеводы являлись высшей контролирующей инстанцией. Нередко воевода даже возглавлял органы местного самоуправления, формально сохранив при этом принцип сословной выборности. Таким образом, в рамках приказно-воеводской системы управления произошло слияние функций органов государственной власти и органов местного самоуправления. Зато элемент сословной выборности был введен в порядок формирования нового властного органа – Земского собора. По выражению соборных актов середины и конца XVII в. «земский собор», «земский совет», «вселенский собор» Московского государства представляли собой совокупность двух начал: выборного и невыборного (должностного). Указы предписывали выбирать «лучших людей, добрых, умных и постоянных», поэтому выборы на местах старались проводить из представителей лучших статей. Избиратели, как правило, считали себя вправе требовать отчета от своего выборного, почему на соборе «не о

всех нуждах земских людей по их челобитью государев указ учинен» [8, с. 167–168]. Сохранились органы самоуправления посадской общины – сход и избираемый на нем посадский староста, который являлся исполнительным органом посадской общины. За свои действия староста нес ответственность перед сходом, который должен был его контролировать и наказывать за провинности (вплоть до битья батогами пред всем миром) [9, с. 618–619].

Новый этап развития институтов местного управления и самоуправления начинается в XVIII столетии. Следует отметить, что термин «самоуправление» в XVIII в. еще не употреблялся ни в русском законодательстве, ни в научной литературе. Он был введен в России лишь спустя столетие. Законодательные акты XVIII в., так называемые жалованные грамоты 1785 г., содержат термины «управление» и «внутреннее государственное управление», под которыми законодатель подразумевал особое местное управление, осуществляемое определенными сословиями и в интересах этих сословий. В условиях абсолютизма элементы самоуправления институционально лишь дополняли аппарат государственного управления, выполняя вспомогательные функции, делегированные им центральной властью [10, с. 316].

Петром I были осуществлены реформы в области местного самоуправления, направленные на усиление централизации местного государственного аппарата в интересах укрепления абсолютной власти монарха. Реформы подводили черту под многовековой историей самобытного русского самоуправления, способствуя не только ликвидации старого административно-территориального деления страны, но и приобщения к европейским институтам и традициям. Многовековой опыт русского самоуправления подменялся шведским или голландским образцом. В отличие от европейской муниципальной практики, городское управление было организовано исходя не из интересов горожан, а из потребностей в первую очередь государства. Указом от 10 марта 1702 г. упразднялись губные старосты как выборные должностные лица из местного дворянства. В каждом уезде формировались на выборной основе дворянские советы, действовавшие под руководством воевод, призванные совместно с последними осуществлять управление уездом.

Следует уточнить, что Петр I ставил перед собой цель – создание «правильного» государства, где жизнь регламентирована и подчинена правилам. Идеал «регулярного государства» породил глубокую бюрократизацию русской жизни [11, с. 22].

В эпоху Петра I были также созданы органы, несвойственные русской традиции самоуправления и исторической практике. Формировались ландраты (название, структура и полномочия которых были заимствованы из практики аналогичных органов при присоединении к России Остзейского края) – выборные органы дворянского самоуправления, которые должны были при взаимодействии с губернаторами, назначаемыми царем, решать все дела территории. Потребность в усилении вертикали власти привела к новой административной реформе. Долгое время просуществовавшие уезды были ликвидированы. По шведскому образцу губернии были разделены на провинции и дистрикты, которыми, соответственно, руководили воеводы и земские комиссары. Земские комиссары избирались дворянством на один год. По окончании этого срока они должны были отчитываться перед съездом избирателей, которому предоставлялось право судить комиссара за служебные упущения. Вслед за провинциальной реформой Петр I был вынужден вернуться к сословному управлению и реформировать его все по тому же шведскому образцу. В 1699 г. была

создана Бурмистерская палата, считавшаяся по компетенции и составу сословно-государственным учреждением, формирующимся на основе выборов. Помимо Бурмистерской палаты в конце XVII – начале XVIII вв. Петром I были созданы новые городские учреждения – ратуша, земские избы, которые формировались на основе выборов, но не были подотчетны избиравшей их посадской общине, а становились над ней, выполняя роль посредников между посадской общиной и центральной администрацией.

В ходе реформы 1718–1724 гг. был образован Главный магистрат – орган управления, действовавший как коллегия, которому были подчинены все органы городского самоуправления России. В городах были сформированы специальные органы управления городом – магистраты. Помимо магистратов, в городах существовали посадские сходы, которые созывались старостами, председательствовавшими на них. Старосты наделялись исполнительно-распорядительными функциями и несли ответственность перед сходом, имевшим право налагать взыскания на указанных должностных лиц. Таким образом, на рассматриваемый момент развития Российского государства органы местного самоуправления и их должностные лица, формально имея статус выборных, фактически были зависимыми от центрального правительства. Существенные изменения в сложившуюся систему были внесены в результате проведения реформ второй половины XVIII в.

Основными документами, регламентировавшими проводимые Екатериной II реформы, были «Жалованная грамота на права и выгоды городам Российской Империи» 1785 г. и «Городовое положение» 1785 г. Была предпринята попытка возложить обязанность по осуществлению большого количества полномочий центральной власти на государственные провинциальные органы и общинные институты. При всей прогрессивности указанной реформы следует отметить и ее негативные черты. Так, была сохранена прямая зависимость и подконтрольность органов и должностных лиц местного самоуправления государственной власти. Кроме того, в результате проведения реформы общинные учреждения были включены в вертикаль государственной власти, закреплялась ответственность этих учреждений только перед вышестоящими государственными институтами.

Поэтому следует отметить, что к началу XIX в. произошла трансформация термина «городское управление» в «местное самоуправление» по причине совмещения в механизме управления городом признаков управляющей и управляемой систем. Но, чтобы не допустить этого, центральная власть правомерно оставила за собой право контроля за деятельностью и возложением на выборные органы и должностных лиц органов местного самоуправления ответственности в случаях ненадлежащего осуществления или неосуществления ими отнесенных к их ведению полномочий, так как полномочия, осуществлявшиеся указанными органами и должностными лицами, имели в большей или меньшей степени государственно-властный характер. Формы и методы контроля постоянно изменялись, однако стабильной оставалась возможность центральной власти оказывать разностороннее воздействие на органы власти на местах. Органы местного самоуправления стали нести ответственность перед государством, начиная с периода введения кормлений. Такой вид ответственности, как ответственность перед населением, имевший место в середине XII в., в последующие столетия отсутствовал. Попытки вернуться к реализации принципа ответственности местного самоуправления перед населением отечественный законодатель начал предпринимать лишь в ходе земских и городских реформ второй половины XIX столетия.

Лучшей стороной реформ 60-х гг. было предоставление городскому общественному управлению сравнительно широкой самостоятельности в ведении городского хозяйства и решении местных дел. Утверждению губернской администрации или в некоторых случаях министерства внутренних дел подлежали лишь наиболее важные постановления думы (как правило, финансовые). Огромное же большинство дел, в том числе и годовые сметы, решались думою окончательно и не нуждались ни в чем утверждения. На губернатора возлагался надзор лишь за законностью действий органов городского самоуправления, Судебную защиту городского самоуправления должны были обеспечивать губернские по городским делам присутствия. В состав губернского по городским делам присутствия входили: губернатор, вице-губернатор, председатель казенной палаты, прокурор окружного суда, председатель губернской земской управы, городской голова губернского города и председатель мирового съезда [12, с. 14].

Годы царствования Александра III выдвинули идеи централизации и укрепления принципа бюрократического самодержавия. 12 июня 1890 г. было опубликовано новое Положение о земских учреждениях, утвержденное Александром III, восстановившее сословность избирательных групп и, благодаря изменению ценза, еще более усилившее представительство от дворян. По Положению в первую избирательную группу входили дворяне потомственные и личные, во вторую – прочие избиратели и юридические лица, в третью – крестьяне. Губернские гласные, как и прежде, избирались на уездных земских собраниях, в губернское собрание обязательно включались все уездные предводители дворянства и председатели уездных земских управ (с 1890 г.). Реформа 1890 г. дала дворянам абсолютное преобладание. Новое Земское Положение фактически отрицало всякую связь с идеей местного самоуправления. По Положению 1890 г., были лишены избирательных прав: духовенство, церковный притч, крестьянские товарищества, крестьяне, владеющие в уезде частной землей, лица, имеющие купеческие свидетельства, владельцы торговых и промышленных заведений, а также евреи. Сельские избирательные съезды были упразднены, гласные назначались губернатором из числа кандидатов, избранных волостными сходами. По существу был уничтожен принцип выборности управ, вводился порядок утверждения не только для председателя управы, но и для всех членов управы, причем земские собрания лишались права обжаловать неутверждение. Из положительных приобретений, привнесенных Положением 1890 г., необходимо отметить: а) расширение круга лиц, подлежавших избранию в председатели и члены управ (ими могли быть не только гласные, но и вообще лица, имеющие избирательный ценз); б) некоторое увеличение компетенции земств, перечня предметов, по которым земства могли издавать обязательные постановления; в) восстановление почти в полном объеме права земств на бесплатную пересылку корреспонденции. К ограничительным же мерам, направленным на уменьшение самостоятельности земских органов, относится лишение уездных собраний права непосредственных, помимо губернского земства, ходатайств перед правительством.

Городское самоуправление в конце XIX – начале XX вв., будучи построено на идее доверия к общественной самостоятельности, позволило говорить о реальных предпосылках формирования в России муниципального права, и, несмотря на усиление административных начал 90-х гг. XIX столетия, способствовало всплеску муниципального законотворчества в 1906–1917 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.
2. Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988.
3. Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1890–1903. Т. 2.
4. Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856.
5. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 1: Мысли о федеративном начале Древней Руси.
6. Емельянов Н. А. Местное самоуправление: проблемы, поиски, решения. М.: Тула: ТИГИМУС, 1997.
7. Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России (IX–XIX ст.). Пг., 1917.
8. Латкин В. Н. Земские соборы Древней Руси, их история и организация. СПб., 1885.
9. Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.
10. Еремян В. В. Очерки муниципальной историографии. Древняя Русь (от общины рода к общинно-государству). М.: Академия права и управления, 2003.
11. Лотман Ю. М. Люди и чины // Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
12. Веселовский Б. Б. Земство и земская реформа. Петроград, 1918.

P. V. Lanovoi

SPECIFIC CHARACTER OF LOCAL GOVERNMENT FORMATION IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN STATE OF THE IX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES

The given paper touches upon the history of local government institutions in different periods of historical development in Russia. This problem is considered on the basis of the analysis made by scientists, lawyers and historians of the XIX–XX centuries.

Self government, local government institutions

УДК 940.1

М. Ю. Лютиков

ВЫБОРЫ 1996. ВТОРОЙ ТУР. СОЮЗ ГЕНЕРАЛА С ПРЕЗИДЕНТОМ

Проведен анализ, рассмотрены мотивы и предпосылки присоединения А. Лебеда к команде Б. Н. Ельцина после первого тура президентских выборов в РФ 1996 г., одного из ключевых моментов президентской избирательной кампании.

Второй тур, А. Лебедь и КПрФ, встреча А. Лебеда и Б. Ельцина, секретарь Совета безопасности, предпосылки сближения, мотивы сторон

Итоги первого тура выборов Президента РФ 1996 г. позволили открыть новую страницу длинного и увлекательного раздела отечественной истории, имеющего общий заголовок: «Россия и генералы». Бывший генерал, а на тот момент кандидат в Президенты Российской Федерации, А. Лебедь набрал в первом туре выборов 14,5 % голосов избирателей, заняв третье место и сотворив главную сенсацию первого тура (по всем прогнозам, А. Лебедь должен был набрать от 5 до 10 % голосов). Подобный расклад сделал генерала Лебеда основным джокером второго тура, а союз с ним, принимая во внимание состав его избирателей, чрезвычайно привлекательным для двух оставшихся на главный приз: Ельцина и Зюганова.

17 июня, после оглашения предварительных итогов первого тура голосования, состоялась встреча Президента РФ Б. Ельцина с А. Лебедем. На ней, как сообщалось, были обсуждены вопросы возможного сотрудничества. Вторая краткая встреча между ними произошла утром 18-го.

Чуть ранее в телевизионном обращении по итогам первого тура Ельцин, заявив, что страна находится на распутье между дорогой назад к революционным потрясениям и светлым путем в стабильное и процветающее завтра, призвал А. Лебеда наряду с Г. Явлинским и С. Федоровым присоединиться к нему во втором туре¹.

19 июня Б. Ельцин подписал указ о назначении А. Лебеда секретарем Совета безопасности и помощником Президента РФ по национальной безопасности.

Таким образом, вопрос о том, кого поддержит бывший генерал и, во всяком случае, существенная часть его избирателей, был окончательно решен меньше чем за два дня.

Напомним, что 17 июня, о возможном альянсе с Лебедем, о планируемой на 18 июня встрече его с Зюгановым, говорил в интервью ИТАР-ТАСС В. Купцов². А чуть раньше и сам Зюганов говорил о вакантном poste премьер-министра в своем будущем правительстве, который он намерен предложить Лебеду. Следует отметить, что и после известия о новом назначении Лебеда коммунисты не оставили попыток к сближению. Обозначенная встреча все же состоялась, и обсуждались на ней, вероятно, не только обозначенные согласно официальному заявлению «вопросы национальной безопасности».

О том, что Лебедь войдет в связку с Ельциным, уже утром 17 июня заявил в интервью радиостанции «Эхо Москвы» один из ближайших помощников генерала Михаил Бергман: «Александр Лебедь, несомненно, поддержит во втором туре президентских выборов кандидатуру Бориса Ельцина» [1, с. 377]. Следует отметить, что сам Лебедь 17-го числа еще не отвечал на вопрос, чью кандидатуру он будет поддерживать, а лишь говорил общие фразы о необходимости реформ и борьбе с преступностью². Определил бывший военный комендант Тирасполя и место Лебеда в команде президента. По его мнению, Лебедь должен будет заняться преступностью и армией. Кроме того, М. Бергман выразил твердую уверенность в будущем президентстве генерала. Следует отметить, что в данном заявлении не было особенной новизны, поскольку 14 июня, выступая во время своей избирательной кампании в Екатеринбурге, президент произнес весьма загадочную фразу – заявил, что знает имя своего преемника. Общественное мнение, принимая все предыдущие реверансы президента генералу и наоборот, быстро склонилось к фигуре генерала Лебеда.

Впрочем, многие аналитики, хотя и соглашались с тем, что президент имел в виду именно Лебеда, не были склонны серьезно расценивать данное предложение. Слова Ельцина изначально расценивались ими как предвыборный ход. Позднее, в своих воспоминаниях, Б. Ельцин также утверждал, что никогда не считал Лебеда своим преемником [2, с. 45].

Версию о том, что президент имел в виду именно его, с энтузиазмом подхватил и сам Лебедь. Опуская бюллетень в урну 16 июня, он прокомментировал екатеринбургское заявление Ельцина: «Я имею сильное подозрение, что это я».

В контексте данной статьи, помимо того, насколько выбор Лебеда определил окончательные итоги выборов, более всего интересен вопрос о мотивах принятого генералом решения, насколько это решение было неожиданным или, наоборот, логически следовало из имеющейся обстановки.

---

¹ Радио Свобода. June 1996. № 117, pt. I.

² Там же.

В данном контексте следует вспомнить слова бывшего генерала, сказанные им накануне 1-го тура, когда широко обсуждался вопрос о том, что Ельцин пытается «купить» других кандидатов министерскими постами. Тогда Лебедь сказал своим избирателям: «Не приемлю ни старую, ни новую номенклатуру... У меня есть свое честное имя в армии... Если бы я сегодня, продав голоса своих избирателей, с черного хода пролез в министры, – я бы зачеркнул свое доброе имя. Моя честь офицерская, моя гордость не позволяют даже обсуждать всерьез такой вариант...» [3, с. 9]. Фактически генерал сделал все наоборот, и следует признать, что его объяснения или оправдания не звучали слишком убедительно. Главное из них было озвучено в интервью корреспонденту «Независимой газеты» 22 июня: «Российский народ сделал предварительный выбор, придя на избирательные участки 16 июня. Борис Ельцин и Геннадий Зюганов в первом туре получили по одной трети голосов. В этой ситуации надо определяться. Кто не определился – тот политический покойник. Поэтому я и определился, но определился не по персоналиям, а по идее. Есть старая идея, а есть новая. За старую идею мы очень дорого заплатили. На стороне новой идеи – стратегические перспективы развития страны. Другое дело, что ее пока плохо реализуют. Это можно и нужно поправить посредством создания команды профессионалов» [4, с. 12].

Одна из основных версий столь стремительного поворота генерала к президенту звучит следующим образом. Так, утверждают, что «оппозиционный» генерал имел договоренность с Ельциным и с марта получал от Березовского финансирование своей кампании, которой руководил А. Головков, недавний сотрудник Г. Бурбулиса и Е. Гайдара, и поддержку телевидения [5, с. 6]. Подтверждение этой версии многие, например, корреспондент «Независимой газеты» В. Тимошенко, услышали в речи президента, сопровождавшей подписание указа о назначении Лебеда [6, с. 5].

Активное участие Б. Березовского в кампании Лебеда упоминают в общении с представителями прессы и некоторые сотрудники его предвыборного штаба. Так, например, Ю. Урусова в публикации «Общей газеты» заявляет, что «благодаря Березовскому частота появления Лебеда на ОРТ достигла частоты появления Бориса Николаевича» [7, с. 8].

Подтверждение предложенной версии можно увидеть и в признании Борового, активного ельцинского сторонника. В соответствии с его высказываниями, опубликованными в июне «Советской Россией» [8, с. 4], Лебедь был «куплен с потрохами». Боровой утверждает, что это именно он «придумал Лебеда», придумал его главную идею: «Генерал, интеллектуал, антикоммунист. Такой русский де Голль». Раскрутка Лебеда началась, по словам Борового, с того, что он привез Караулова в Приднестровье.

Появлялась в печати и информация о том, что Лебедь изначально был человеком Коржакова. Газета «Завтра» [9, с. 7], ссылаясь на «высокопоставленные контакты» в окружении Коржакова, утверждает, что Лебедь был завербован еще в сентябре 95-го, «якобы на основе документов, явных или подложных, о его участии в нелегальной торговле оружием»¹. Коржаков, по информации газеты, планировал использовать Лебеда «в качестве оружия против Чубайса и других демрадикалов сразу после второго тура». При оценке этой информации следует, однако, учитывать, что появилась она уже после отставки Коржакова.

---

¹ В ночь с 19-го на 20-е Ельцин был загнан в угол. Из агентурных донесений Службы безопасности «День».

Существует, однако, и другое мнение, согласно которому сам генерал Лебедь сделал свой окончательный выбор незадолго до первого тура, а может быть, и сразу по его итогам. Основано оно на следующих положениях: Лебедь был, безусловно, очень яркой фигурой, умеющей буквально с двух слов завоевать симпатии аудитории, об этом свидетельствовали люди из его окружения, об этом говорит и полученный им результат. Но вместе с тем, генерал, очевидно, не был политиком в полном смысле этого слова. В свое время, как уже было отмечено, его брали к Ю. Скокову в качестве «паровоза», т. е. привлекательной фигуры, которая своей харизмой поможет обеспечить успех лидеру Русских общин.

Фигура Скокова не оправдала надежд, и Лебедь превратился во внешне самостоятельную политическую фигуру. Без сомнений, его поддерживал определенный круг весьма влиятельных лиц. Безусловно, в процессе предвыборной кампании Лебедь сам или через представителей встречался, проводил переговоры и консультации почти со всеми своими соперниками. Такие консультации, в силу известных причин, зачастую не становятся достоянием средств массовой информации. Лебедь до конца не имел осмысленной предвыборной программы. Даже набор общих фраз, достаточно пафосно озаглавленный «Закон и порядок», появлялся на суд общественности в трех разных редакциях, и кандидат вместе со своим штабом довольно сбивчиво объяснял, какую из них считать подлинной или окончательной. Генерал, судя по всему, сам до конца не понимал, приверженцем каких именно ценностей он является. По воспоминаниям работавших с ним людей, встречаясь с Явлинским, он горячо говорил о пользе рыночной экономики и демократических идеалов, пообщавшись с представителями КПРФ, столь же активно поддерживал идеи общенародной собственности, патриотические настроения.

Пожалуй, все кандидаты старались заполучить Лебеда в союзники, учитывая его большой потенциал публичной фигуры. Рассуждения о возможном успехе третьей силы строились во многом исходя из возможностей именно Лебеда. Разумеется, не остались в стороне и представители действующего президента. Скорее всего, А. И. Лебедь получал от них весьма существенную помощь, но вовсе не обязательно, что сам для себя он уже тогда знал, как поступит в той или иной ситуации. Генерал долго не давал никому определенного ответа, он, вполне логично, находясь между двух крайних полюсов, ждал наиболее выгодного для себя варианта, ждал развития событий.

И еще следует иметь в виду одну важную деталь. Заняв третье место, Лебедь не оставил планов стать президентом. И не в 2000 г., как намекал Ельцин. Состояние здоровья Ельцина, вопреки утверждению Коржакова, не оставалось тайной за семью печатями в определенных кругах. По информации осведомленных источников, Лебедь давал Ельцину буквально недели, может быть, месяцы, по прошествии которых должны были состояться новые выборы, на которых он, находясь на вершине популярности, заработанной активной и всем видной деятельностью на новом посту, уже имел бы весьма реальные шансы стать новым хозяином Кремля.

Г. Зюганов, в случае своей победы, даже предоставив Лебедю самые высокие посты, такой возможности ему не давал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мороз О. 1996: Как Зюганов не стал президентом. М.: ОАО «Изд-во «Радуга»», 2006.
2. Ельцин Б. Президентский марафон. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2000.
3. Иванов В. Выборы и общество // Завтра. 18.06.1996. № 131. С. 9.
4. Коротченко И. Безопасность России нужна всем // Независимая газ. 22.06.1996. № 113. С. 12.
5. Назаров М. Тайна России. М., 2000.
6. Тимошенко В. Новая метла в руках президента // Независимая газ. 19.06.1996. № 110. С. 5.
7. Пимин Г. Тайны выборов // Общая газ. 10.07.1996. № 412. С. 8.
8. Великолидный Л. Судорожные ходы пешками // Советская Россия. 25.06.1996. № 120. С. 4.
9. Иванов В. Выборы в России // Завтра. 19.06.1996. № 132. С. 7.

M. Y. Lyutikov

ELECTIONS 1996. THE SECOND ROUND. THE UNION OF THE GENERAL WITH THE PRESIDENT

The analysis is carried out, motives and preconditions of joining of A. Lebed to B. N. Yeltsin's command after the first round of presidential elections in the Russian Federation 1996 of one of the key moments of presidential elections campaign are considered.

The second round, A. Lebed and the Communist Party of the Russian Federation, A. Lebed and B. Yeltsin's meeting, the Secretary of Security council, the rapprochement precondition, motives of the parties

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ И ЯЗЫЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В СИСТЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Показано, как полиэтничный Вятский регион втягивался в модернизационные процессы Российской империи, в которых русская культура выступала основной носительницей новой информации. В данном случае важно понимание этого динамического процесса как диалога культур, где внутренние механизмы развития этноса и влияние извне не противопоставлены, а взаимосвязаны, где в диалогическом аспекте как тесно взаимосвязанные феномены предстают религия, повседневная жизнь и традиционное искусство.

Этнос, религия, православие, язычество, мировоззрение, духовность, диалог, культура, социальная философия

Вятский регион достаточно самобытен. В силу целого ряда природно-исторических обстоятельств местное население долгое время сохраняло в относительной неприкосновенности свою культуру, свое традиционное мировоззрение.

В настоящее время человечество обладает великим историческим и культурным достоянием, доставшимся ему в наследие от прошедших эпох, теми мировоззренческими и культурными ценностями народов России, которые сформировались в колыбели русской государственности и православной Духовности. Осознав необходимость государственного, культурного оформления и духовного объединения страны, Киевская Русь обратила свое внимание на Византию, поражающую современников совершенством государственного устройства, военным могуществом и высотой технических достижений. Зачарованные незримым действием Божественной благодати и святой Софией послы Великого Киевского князя предопределили духовную судьбу России. С введением на Руси христианства языческое мировоззрение трансформируется в новые формы сознания, начинается новый исторический отсчет. В это время мировоззрение всего народа Руси вводится в новое духовное измерение, которым определяется вся его мировоззренческая и нравственная культура, а Русь воспринимается как Святая Русь, ее духовность и святость – как предвосхищение в историческом потоке времени грядущего Царствия Божия. В этой религии Божество переставало быть трансцендентным, оно поселилось в храме, церковь превращалась в «небо на земле», по классическому православному выражению. Божественное становилось доступно через материальное, через таинства и святыни; его можно было не только видеть, но и вдыхать, вкушать, целовать. Отныне история России предполагается не только в контексте истории христианских государств, но и как новая эпоха самого христианства, в которой России отводится руководящая роль. Только в сфере духовной русичи этого времени видели главную основу благополучия граждан и величия государства. «В ней искали они опору своим нравственным и физическим силам, усматривали залог душевного покоя, на нее возлагали свои надежды и в ней обретали источник эстетического наслаждения» [1, с. 185]. Православие (в отличие от западно-римского христианства)

ориентирует русского человека на внутреннее совершенство, а не на внешнюю деятельность, при этом русская мысль была склонна к онтологизму, к решению прежде всего бытийных вопросов. Поэтому русского человека интересовали проблемы: что мы познали, в чем сущность познания, а не вопрос – как мы познаем. Основное место занимают вопросы бытия Бога и бытия человека, общество и проблемы природы – менее значимы. Поэтому в русском мировоззрении моральный элемент преобладает над метафизическим.

Важно отметить, что борьба за преодоление и изживание язычества не была доведена до своего конечного результата. Соединяясь с христианством, языческая составляющая культурного пространства Вятского края не утратила своего содержания, а оказала значительное влияние на процесс христианизации края. В результате «на конфессиональном уровне органическое соединение (христианского и языческого. – А. В.) не получилось, так как глубинные слои культуры не были затронуты, в эстетической сфере взаимопроникновение и взаимопонимание культур обеспечивалось использованием языка универсальных символов. Культура повседневности была той областью, где диалог проходил наиболее успешно» [2, с. 10]. Таким образом, «вотяки, несмотря на принятие христианства, сохранили в своем религиозном мировоззрении многие языческие предания, которые, будучи выработаны в течение веков, являются для них священным наследством седой старины» [3, с. 2].

Изучая менталитет удмуртского народа, исследователи отмечали: «Терпеливый это народ, спокойный и тихий. Ссор и драк между ними почти никогда не бывает; даже пирушки обходятся без шума и ссор» [4, с. 9]. Народ, обладающий таким менталитетом, не будет противостоять власти и наступающей религии, он предпочтет уступить, измениться внешне, сохранив свое внутреннее состояние и мировоззрение. Согласно существующей легенде, главный жрец племени Ватка сказал своему народу: «Наше свободное счастливое время прошло, теперь вотяков всех будут крестить, не слушать начальства нехорошо – жить нельзя, лучше не давайте начальству напрасно притеснить себя, принимайте русскую веру, а жить можно по-своему» [5, с. 150–151].

Взаимовлияние двух мировоззренческих систем обуславливалось тем, что понимание новых представлений о мире с христианской точки зрения и перевод их на языческий образ мышления не были вполне осуществлены и осуществимы. Основная масса населения Вятского региона приняла христианство из-за отсутствия твердых убеждений, а также присутствия на стороне новой религии государственной власти, задачей которой стояло формирование новой государственно-религиозной парадигмы. Идеалом новой парадигмы являлось единообразие населения и гомогенность государственных территорий. Во время колонизации русские селились как отдельно от удмуртов, так и совместно с ними. Бывали случаи, когда при переселении к удмуртам русских первые выселялись на новое место жительства, оставляя русским удмуртское наименование селения [6, с. 47]. Уход в глубь лесов, миграция в другие районы страны преследовали цель ограждения собственной самобытной культуры, так как речь шла о создании на новом месте «собственного» мира. «Долг переселенцев перед государем императором, который как любящий отец печется обо всех подданных, особенно о крестьянах, убеждая их между собой жить в мире со своими соседями инородцами и иноверцами, чтобы иноверцы, видя добрые дела их, прославляли Отца нашего, иже на Небесах» [7, с. 3]. Таким образом, государство настойчиво культивирует христианство, де-

лая его религиозной опорой самодержавия, а христианство, в свою очередь, поддерживает единство и мощи империи. В это время все русское переставало быть этнической характеристикой и становилось государственной, а все, что служило процветанию православной государственности, являлось русским [7, с. 16]. Таким образом, в сложившейся ситуации сливаются две парадигмы: религиозная и государственная. Задачей русского духовенства являлось «прежде всего, внутренне обрусить иноверцев, в церковном и в гражданском смысле, то есть научить их мыслить и чувствовать по-христиански и по-русски» [8, с. 69]. «Отношение к инородцам, неизменное от начала колонизации края и вплоть до XX в., озвучил на съезде духовенства Вятской епархии в 1908 г. отец председатель (протоиерей Николай Огнев): “Инородцы наши представляют отжившие, вымирающие племена, без истории, литературы и прошлого. Надо привить их к русской культуре. В этом выход их из состояния вымирания”. Христианизация уничтожила свободу выбора, оставив один путь эволюции межкультурного взаимодействия – ассимиляцию» [2, с. 45]. Но главную роль в деле христианизации сыграло не духовенство, а начавшийся диалог между местным населением и русскими. Местное население, живя между русскими и крестьянами и обращаясь между ними, привыкало к тем же праздникам и обрядам церковным. Сложность сложившейся ситуации также объясняется языковой оппозицией «русский – удмуртский». Миссионеры считали, что «первое всего верные и надежные проводники христианских истин – дети, а потом (оно распространится. – А. В.) и среди взрослых...» [8, с. 201]. В начале XIX в., взяв на себя дело просвещения и обучения детей, христианская церковь на Вятской территории организовала миссионерские школы. В идеале начала христианского, общечеловеческого и гражданского просвещения должны были изучать на родном языке, на практике основное внимание уделялось обучению русскому языку. Священник Верхосвятицкого прихода Глазовского уезда пишет: «Никто из крестьян по какой-то закостенелой беспечности нимало не заботятся об образовании своих детей, многие считают ненужным образование, говоря: деды наши были неученые, да жили еще лучше нас, да и научи-ка нынче парня, так он будет баловень, а работушка на ум не взойдет» [6, с. 476]. Так, удмуртский язык для русского духовенства становился непреодолимым препятствием, в результате чего удмуртское население оставалось в локальной замкнутости.

Механизм вхождения новой религии в традиционную культуру, при котором святые высшего пантеона видоизменились, а низшие божества, ведавшие домашним хозяйством, просто перешли в христианскую традицию в виде суеверий, говорит о том, что христианизация Вятского края проходила по тому же сценарию, что и христианизация Руси. Так, например, Илья-пророк в традиционной удмуртской культуре ассоциировался с Гудыримумы – матерью грома. Она, так же как и Илья-пророк, во время грозы каталась на огненной колеснице, и грохот ее колес отдавался громом в ушах людей. А образ Николая-угодника нашел родственные черты в образе Нюлэсмурта (лешего). Он по своему значению выделялся из ряда низших божеств удмуртской мифологии. Г. Е. Верещагин сообщал, что Нюлэсмурт – «первый и самый главный бог в плеяде языческих богов у глазовских вотяков – бог лесов и ветров... Ему приписывается и поддержка языческого культа вотяков. Словом, он пользуется громадным влиянием» [9, с. 177]. Такое особое почитание, возможно, связано с тем особым значением, которое имел лес в жизни удмуртов. В то же

время «на языческие моления порой приглашали православного священника: священник служил перед языческим жертвоприношением православный молебен, затем покидал моление... Иконы ставились возле священных деревьев» [10, с. 176]. Так, церковные праздники по всей христианской территории приурочивались к языческим календарно-обрядовым праздникам. Освященное церковью сближение аграрного времени со временем литургическим ставило первое под контроль второго. «Официальные церковные праздники были праздниками государственными, они освящали существующий строй и закрепляли его. Официальный христианский праздник утверждал стабильность, неизменность и вечность всего существующего миропорядка: существующей иерархии, существующих религиозных, политических и моральных ценностей, норм, запретов. Связь со временем стала формальной, те смены и кризисы, которые отмечали языческие праздники, стали для христианских праздников только временными точками» [2, с. 102]. Так, в своем отчете епископ-неофит отмечал: «В разных приходах, обращая внимание на нравы и обычаи новокрещенных вотяков, секретно узнал, что многие из них не оставляют прежних языческих привычек: некоторые вместо воскресного дня празднуют пятницу, а многие и воскресный день празднуют по христианскому закону, и пятницу по-прежнему их языческому обычаю. <...> При сем и прежние свои языческие мольбища не разрушают и скрытно в них совершают по временам языческие жертвоприношения...» [6, с. 126].

Важно отметить, что языческая религия – это религия родовая. Она давала поддержку предков и обеспечивала непрерывную связь между поколениями. «Сама кровная связь получала свою силу и поддержку в связи религиозной. Так определяли родство сами древние: по их понятиям родные те, у кого одни и те же домашние боги» [3, с. 80]. С приходом христианства разрушается родовой союз «домашней» религии, родственные связи отступают перед связями религиозными. «Дав человеку собственную судьбу, отличную от естественного окружающего его коллектива, христианская религия меняет само отношение к роду – основе традиционного общества» [2, с. 64]. Начинают преобладать «малые семьи», появляется жесткая внутрисемейная иерархия, где неограниченная власть главы семьи освещалась христианством. Принцип был следующий: «Глава есть мужеви Христос; жене глава муж... Не люди сыну, возвести главы женские выше мужни, али то Христу надругаешься» [11, с. 49].

Одним из средств регулирования семейно-брачных отношений служил учет христианской церковью степеней родства. Народной традицией удмуртов разрешались близкие родственные браки, в то время как православная церковь, руководствуясь византийской традицией, приняла за основу правило, запрещающее брак в кровном родстве до седьмой степени. Кроме этого с приходом христианства на удмуртскую землю входит понятие духовного родства (побратимство, крещение и т. п.), которое устанавливалось посредством обряда крещения. В таком родстве считались восприемник, сам окрещенный, его биологические родители и родственники этих лиц по нисходящей линии. Принявший крещение человек становился «тезоименен» некоему святому, становился отражением, эхом этого святого. «Местное удмуртское население понимало духовное родство по-своему: «Одна вотячка подарила мне крест: зови, говорит, меня крестной. Ей, видишь, любопытно было, чтобы кто-нибудь звал ее крестной матерью... Жениться теперь я на ней не могу, потому что она мне все равно, что мать крестная, кума... А то вот я раз был в бане да забыл там крест-то свой. Попался мне один человек. У которого два (!) креста было на шее, он мне

один и дал....» [2, с. 78]. Таким образом, весь ритуал совершался не в закреплении глубоких, эмоциональных отношений между людьми, а по внешним предметам, когда ситуация из одной культуры переходит в другую в виде инсценировки.

Одну из важных ролей в процессе смены язычества христианством играла проблема времени. Для человека время перестает быть непрерывным и однородным. Наряду с сакральным временем появилось время профанное, мирское. Церемонии, праздники, ритуалы создавали постоянно действующую структуру, через которую человек вливался в конфессиональную общность, и само время менялось для него. Церковный год в отличие от года языческого был не простым повторением, а своеобразным эхом бесконечной череды годов и «обновлением» этой череды. Таким образом, повседневная жизнь человека получила пространственную временную структуру, соотносимую со структурой религиозной. И когда в жизни общества происходят изменения на конфессиональном уровне, в повседневной жизни также происходит перестройка временных представлений, следовательно, понятие времени всегда тесно связано с понятием жизни как таковой.

В сфере религиозного сознания человек мерил свои помышления и труды мерою христианской нравственности, пастыри учили жить «костеня и ожидая», а всякое деяние человека ложилось на чаши небесных весов. Приход христианства создает разрыв, которого не было в язычестве: между духовным и телесным, между данным и вечным. Если в языческих культурах воздаяние и наказание осуществляются в цепи поколений, то в мировой религии идея личной ответственности прорывает безличные родовые связи.

Любая религия – это разрешение проблемы смерти. Так, в представлениях удмуртов загробный мир являлся зеркальным отражением реального мира. В языческом понимании смерть была настолько реальна, что могла даже персонифицироваться, но в то же время с ней можно было договориться или обмануть ее. Так, «в 40-х годах XIX в. в одном селении для прекращения холеры столкнули в приготовленную могилу старуху и живую засыпали землей. <...> При опахивании бывали такие случаи: бросали жребий, и на кого он падал, того зарывали в яму вместе с петухом и черной кошкой» [12, с. 35]. В христианской религии особое место занимает тема Страшного суда, как кульминация темы страданий. Вечная жизнь теперь не дается «автоматически», как в язычестве, ее нужно заработать путем страданий. Страшный суд – это последняя надежда угнетенных: «недаром в Евангелии он показан лишь в своем социальном аспекте, как суд над жестокосердными» [13, с. 127].

Важно отметить, что традиционное мировоззрение, сохранившееся в пространстве христианства, не исчезло, а трансформировалось в суеверия и предрассудки. Так, в своих заклинаниях – куриськонах удмурты приговаривали: «Когда мертвого человека тень рыба увидит, тогда пусть увидит то, что для рыбной ловли я ставлю! Когда церковный крест рыба увидит, тогда пусть почует!» [9, с. 323–324].

Как результат этнокультурного диалога языческого и христианского можно заключить следующее. Удмуртское население, получая информацию от русских переселенцев в социальной, политической, экономической, духовной сферах, пропускало ее через свое мировоззрение. Взаимовлияние, установившееся в крае, подобно процессу, существовавшему на Руси, но отличается соотношением составляющих: на Руси – «христианство с налетом язычества», у удмуртов – «язычество с налетом христианства». Структура жизни русского населения на Вятской земле изменила структуру повседневной жизни местного населения: исчезало понятие рода, родовые божества уступили место христианским свя-

тым, интернационализация браков привела к утрате этнокультурных ценностей в семьях и к постепенному размыванию этнонациональных особенностей. Для внедрения христианских идей использовалось искусство, но язык универсальных символов способствовал проникновению языческого мировоззрения в официальную доктрину, а в результате – конфессиональному синкретизму.

На основании вышеизложенного можно заключить: борьба за преодоление и изживание язычества не была доведена до своего конечного результата. Христианство оказалось не целостным единообразием, а системой со сложной структурой, в которой отражались интересы местного населения, стремящегося в христианских рамках обеспечить себе самобытное существование. Начавшись на конфессиональном уровне, противоречия переходили в сферу обыденного сознания, религиозный ритуал, секуляризуясь, входил в быт и привычки. «По прошествии определенного времени, совершая действия и пользуясь предметами, человек не рефлексирует их принадлежность к конфессии, их существование самостоятельно, а религиозное звучание утрачено. Причем на этом этапе диалога происходит жесткая селекция, потому что в сфере повседневной жизни закрепляется только то, что близко менталитету христианизируемого народа» [2, с. 7]. Таким образом, не устраняя традиций, новации внедряются в культурное пространство этноса, изменяя его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века. М.: Мысль, 1992.
2. Плеханова Е. О. Христианское/языческое в диалоге культур (Вятско-Камский регион). Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003.
3. Богаевский П. М. Мултанское «моление» вотяков в свете этнографических данных. М.: Гросман и Кнебель, 1896.
4. Харузина В. Н. Вотяки. М., 1898.
5. Гаврилов Б. Произведения народной словесности. Обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губернии. Казань: Православ. миссион. о-во, 1880.
6. Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1911. Вып. 3.
7. Лурье С. В. Российская империя как этнокультурный феномен// Цивилизации и культуры. Вып. I: Россия и Восток: цивилизационные отношения. М.: Наука, 1994. С. 43–49.
8. Журналы съезда духовенства Вятской епархии за 1908 г. Вятка, 1908.
9. Верещагин Г. Е. Этнографические очерки// Собр. соч. в 6 т. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. Т. 3.
10. Маторин Н. М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. М.: Безбожник, 1929.
11. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992.
12. Якушин Е. Г. Обычное право русских инородцев. Ярославль: Верхне-Волжское книжн. изд-во, 1875. Вып. 1.
13. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

A. V. Vorobiova

CHRISTIANIZATION AND PAGAN TRADITIONS IN THE SYSTEM OF ETHNO-CULTURAL DIALOG

It is important for us to show in this article how the ethnic Viatka region involved in processes of modernization of the Russian empire, where Russian culture was the main bearer of new information. In this case it is important to understand this dynamic process as the dialog of the cultures where internal peculiarities of evolving of the ethnos and the influence on it externally from the Russian empire were not opposite, but interconnected, and where the religions, everyday life and national art were closely connected phenomenon.

Ethnos, religion, the Orthodox Church, paganism, world-outlook, inner development, dialog, culture, social philosophy

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ ИМИДЖЕМ

Рассматривается специфика взаимодействия корпоративного имиджа и социальной среды. Целенаправленное формирование имиджа предполагает, в первую очередь, изучение особенностей значимой социальной среды, так как ее характеристики оказывают влияние на успешность деятельности любой компании, представляя, таким образом, социокультурные основания управления имиджем.

Социальная среда, социальная группа, целевая аудитория, имидж, культура, знаковая система

Формирование и регулирование имиджа является одним из проявлений социального управления, управления общественной жизнью, что обуславливает необходимость подробного изучения социальной среды как фактора, оказывающего непосредственное влияние на имидж. Это влияние проявляется в действиях заинтересованных социальных групп, так как любая социальная среда представляет собой некоторую совокупность людей, выполняющих определенные функции. Если речь идет о корпоративном имидже, то известно, что любое предприятие существует не в вакууме; оно зависит от конкурентов, СМИ, государственных структур. Коллектив такого предприятия представляет собой определенную социальную группу (трудовой коллектив), которая посредством контроля потока информации в значимой социальной среде может регулировать или управлять имиджем. В современных исследованиях социальной среды, особенно в отношении организаций, нередко используется управленческий подход [1], который позволяет изучить воздействие среды на деятельность организации, а также возможность использования среды как фактора укрепления конкурентных позиций предприятия, в которых определяющее значение зачастую приобретает корпоративный имидж.

При формировании имиджа организации одним из первых шагов является составление портрета целевой аудитории, представляющего собой наиболее общую выборку социальных групп, в которых развивался человек. В социологии обнаруживаются различные критерии выделения социальных групп. Существует деление на первичные и вторичные группы, на формальные и неформальные. В рамках данной статьи предлагается рассмотреть малые и большие социальные группы (микро- и макросоциальные). Большие социальные группы занимают определенное место в системе общественных отношений и являются долговременными и достаточно устойчивыми образованиями. Большим группам свойственны своеобразные регуляторы поведения, которые не присутствуют или менее развиты в малых группах, – нравы, традиции, обычаи, составляющие образ жизни группы. Утрата традиций для большой группы, например нации, становится деструктивным элементом, полностью разрушающим или деформирующим группу. В контексте имиджмейкинга данные группы могут исследоваться, в первую очередь, в политтехнологиях, когда необходимо выстраивать имидж лидера для всей страны. Большая группа представляет типичные характеристики всех индивидов, входящих в группу, некий коллективный образ, а не индивидуальные особенности личности. Такие характеристики можно назвать общими, но не одинаковыми для всех. Тем не менее, национальные особенности пронизывают микросре-

ду, в которой живет индивид, и передаются из поколения в поколение. Именно через семью и образовательные учреждения человек приобщается к традициям своей национальной культуры. Можно говорить о том, что большие социальные группы оказывают влияние на малые за счет того, что формулируют и реализуют объективные законы общественной жизни. В то же время в контексте изучения корпоративного имиджа макросоциальные группы могут быть актуальны лишь в случае рассмотрения глобальных корпораций, которые расширяют свой бизнес посредством выхода на территории новых государств (например, корпорация «British Petroleum»). Для компаний с меньшим масштабом деятельности более значимыми будут малые социальные группы, которые зачастую развиваются под воздействием конкретных обстоятельств, ситуаций и являются более субъективными. В их мобильности и подверженности ситуации и заложена проблематика работы с имиджем. Малые группы образуют так называемую микросреду, в которой происходит развитие человека. Здесь проявляется целая совокупность факторов – материальных, политических, идеологических, социальных. К. Левин в теории групповой динамики говорил о возможности рассмотрения малых групп как целостных образований и возможности распространения законов функционирования малых групп на общество в целом [2]. На сегодняшний день такие законы изучены достаточно подробно. Малая группа – это группа, в которой общественные отношения выступают в форме непосредственных личных контактов [3]. Малые социальные группы невелики по составу и, как правило, объединены общей деятельностью, находятся в постоянном общении, которое зависит от типа группы. Выделяют три степени взаимосвязи членов группы. В первом случае внутри группы люди могут быть объединены исключительно на основании сходства каких-либо внешних признаков, например, проживание в одной местности; проживание в одно время (поколение). Такие номинальные группы нельзя назвать духовно близкими. Второй тип группы, например люди одной профессии, могут быть связаны схожей жизнедеятельностью, поведением. Но наиболее сложным для имиджевой работы будет третий тип групп, где люди находятся в постоянном ощущении сопричастности и ответственности перед группой; в данном случае человек полностью идентифицирует себя с группой и своими действиями подтверждает и укрепляет эту связь. В такой группе особенно сильна социальная активность, и именно благодаря этому факту подобные группы наиболее развиты и мобильны [3]. Деление на обозначенные типы в каком-то смысле условно, так как одна группа может с течением времени переходить из одного состояния в другое, но сам факт дифференциации групп от номинальных до органических должен учитываться при работе с социальной средой. Корпоративный имидж, как правило, выстраивается в отношении двух первых типов групп; позиционирование в определенной возрастной или профессиональной среде – достаточно частое явление. На этом может быть основан маркетинговый ход по созданию имиджа товара: например, продукт представляется как символ и неотъемлемый элемент жизни активной молодежи. Целесообразность такого хода объясняется тем, что членам данной социальной группы действительно важно осознавать и демонстрировать свою принадлежность к группе и отвечать ее потребностям. Потребность – это объективное условие существования субъекта (индивида, группы, организации и т. д.) [4]. В отношении человека можно говорить о существовании двух групп потребностей: порожденных физиологией и

обществом. Корпоративный имидж или имидж товара, бренда может строиться на удовлетворении любого из видов потребностей. Например, реклама напитка «Sprite» со слоганом «Имидж ничто, жажда все» явно выстраивает имидж продукта для молодежи, к тому же удовлетворяющего одну из основных физиологических потребностей – жажду.

Социальная среда – неотъемлемая часть жизненного пространства каждого индивида, и применительно к имиджу задача имиджмейкера состоит в том, чтобы культивируемый образ гармонично входил в социальную среду. С другой стороны, грамотный подход к формированию имиджа позволяет повышать эффективность коммуникационного процесса с обществом, благодаря использованию знаний о законах его функционирования. К элементам социальной среды, влияющим на имидж, можно отнести нормы поведения, ценности, принятые социальные статусы, стереотипы. В рамках данной статьи автор раскрывает понятие «социальная среда» как социокультурное основание формирования и управления имиджем, подразумевая в первую очередь семиотические системы, сложившиеся в обществе и являющиеся базисом бытия. Любого человека следует рассматривать через призму его культуры, так как именно в социальной среде происходит социализация, закладывающая основы мировоззрения. В контексте соотношения культуры с социальной средой можно определить ее как устойчивые формы социального взаимодействия, которые выражены в нормах, ценностях, которые передаются от поколения к поколению. Культура является средой, которая во многом организует социальное поведение. Через знаковую систему своей культуры человек не только воспринимает окружающий мир, но и находит самовыражение, создавая свой целостный образ. С каждым днем жизнь современного человека становится все более «знаковой»; знаковые системы становятся основой жизнедеятельности. Значение символов в контексте социального пространства рассматривал П. Бурдьё [5]. В его теории символическое – это пространство, в котором как и в любом другом поле действует логика борьбы. Символическое позволяет особым образом измерять реальность. Элементы, значимые для какой-либо группы, становятся символическими. Погружаясь ежедневно в культуру своей среды, человек выстраивает вокруг себя своеобразный символический мир, принятый в этой среде и выступающий основой социального взаимодействия. Работа с имиджем предполагает постоянный поиск диалога с семиотическим пространством культуры и обязывает исследователя учитывать особенности социокультурной среды, в которой функционирует объект имиджа. Сегодня в условиях развития информационных технологий и постиндустриальной цивилизации социокультурная жизнь общества преобразуется. Немаловажной характеристикой современной социальной среды стала информатизация, которая изменяет практически все исторические формы коммуникации и взаимодействия между людьми. Информация затрагивает все аспекты социального бытия, оказывая значительное воздействие и на социальную организацию. Кастельс отмечает появление таких новых элементов, как деловые сети, технологические инструменты (компьютеры и умение людей работать с ними), государства, от которых зависит становление информационной экономики и, что особенно важно для имиджевой проблематики, – глобальная конкуренция, которая вынуждает компании постоянно обновлять информационные системы и методы работы с ними. Абстрагируясь от конкретных проявлений информатизации в современном мире, следует отметить, что информация

выступает и основой человеческого знания, и своеобразным социальным институтом, организующим систему духовных ценностей, объединяет людей и обеспечивает их взаимодействие. Именно в виде информации человек перенимает опыт, ценности и нормы своей социальной среды, и в виде информации передает их следующим поколениям. Являясь, с одной стороны, характеристикой социальной среды, информатизация также становится объектом ее управления. В контексте имиджмейкинга это важно для любого субъекта формирования имиджа. Именно посредством контроля и грамотного направления информации можно регулировать имидж, в том числе корпоративный.

Имидж организации готовит сознание целевой аудитории к конкретным действиям, неся в себе информацию о благоприятных последствиях для индивида или организации в результате следования определенной модели социального поведения. Для имиджмейкера важно учитывать глубинную связь имиджа компании с социальной средой. Корпоративный имидж включает множество составляющих: философию, миссию, цели организации, ее продукцию, услуги, стиль управления и все коммуникативные процессы. Можно сказать, что корпоративный имидж является результатом разносторонней деятельности организации и восприятия ее внешней средой. Так же, как и первое впечатление, имидж компании может сложиться при первом же взаимодействии с ней. Поддерживать корпоративный имидж необходимо в любом мероприятии компании, особенно в коммуникациях с внешней средой, в общении с инвесторами, клиентами, поставщиками, представителями местного сообщества и СМИ. Определив потребности значимых социальных групп, имиджмейкеры формируют стратегию выстраивания имиджа, которая зависит от того, насколько сильно влияние социальной среды на компанию и насколько существующий имидж отвечает потребностям целевой аудитории. Некоторые аудитории настолько важны, что будут нуждаться в установлении прямых каналов коммуникации. Для других может быть достаточно учитывать информационные потребности в уже существующих каналах коммуникации.

Имидж является неотъемлемым компонентом современного общекультурного процесса, интеграционным компонентом культуры, включающим значительный объем информации, циркулирующей в обществе. Специфика социальной среды сегодня активно используется маркетологами при позиционировании продуктов и услуг. Нормы, традиции, стереотипы, принятые в значимой социальной среде, оказывают влияние на характеристики имиджевых объектов, предоставляя, таким образом, социокультурные основания управления имиджем. В то же время имиджевые установки сегодня настолько упорно внедряются в социальную среду, что постепенно становятся нормативными, задавая новые смыслы и особенности социального поведения и взаимодействия, трансформируя системы ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семикова Н. С. Методы изучения социальной среды организации // Управление персоналом. М.: Издательский дом «Управление персоналом», 2007.
2. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Исследования малой группы в отечественной и зарубежной социальной психологии // Социальная психология: Хрестоматия. М.: Аспект-Пресс, 1999.
3. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
4. Ильин В. И. Поведение потребителей. СПб.: Питер, 2000.
5. Бурдые П. Начала. Choses dites/ Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.

Peculiarities of the interaction between corporate image and social environment are investigated. Purposeful construction of image in the first line intends studying the peculiarities of the relevant social environment, as soon as its characteristics influence the successful business activity of any company, representing in such a way socio-cultural bases of image management.

Social environment, social group, target audience, image, culture, semiotic system

УДК 130.2

Р. И. Мамина, М. Д. Ронзина

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ СПЕЦИФИКА

Раскрываются основные сущностные характеристики корпоративной культуры как новой формы социальной культуры постиндустриального общества.

Корпоративная культура, культура организации, организационная культура, индустриальное общество, постиндустриальное общество, современный менеджмент

Анализ литературы, посвященной проблемам корпоративной культуры, показывает, что для обозначения этого понятия часто используются следующие термины: «корпоративная культура», «организационная культура», «организационная (корпоративная) культура», «культура организации», «культура корпорации», «культура предприятия». Таким образом, наблюдается синонимичное их применение, что не является правомерным, поскольку за каждым из этих понятий стоят свои смыслы.

В частности, культура организации представляет собой способ объединения групп и отдельных личностей в организацию для достижения определенных целей. При этом, с одной стороны, способ объединения всегда уникален, с другой – он всегда зависит от уровня развития общества, в котором эта организация существует. Понятие «культура организации» по отношению к организационной и корпоративной культурам выступает как родовое понятие, поэтому может быть использовано в качестве синонима и в том и в другом случаях, поскольку и организационная, и корпоративная культуры являются подвидами культуры организации. В свою очередь, организационная и корпоративная культуры являются относительно самостоятельными феноменами. Каждый из данных феноменов выступает следствием определенного уровня общественного развития и менеджмента: организационная культура – в индустриальную эпоху, корпоративная культура – в постиндустриальную.

Таким образом, в основе специфики (сущностных характеристик) каждой из форм социальной культуры лежат социально-экономические условия эпохи. Анализ основных черт индустриального общества позволяет выявить основные характеристики организационной культуры. В данной статье ограничимся кратким изложением основных черт данной формы социальной культуры.

Главными ценностями организационной формы социальной культуры выступают: максимизация прибыли как единственная цель («подчас любой ценой» [1, с. 112]) и измерение достижений, а также создание необходимого конечного продукта как средство достижения этой главной цели. Поскольку для достижения главной цели необходимо создать определенные условия, ценностями организационной культуры становятся также: власть,

иерархия, дисциплина, послушание, надежность, достижения, достаточность [1, с. 112]. Важно отметить, что в условиях еще низкой степени глобализации система ценностей оргкультуры имеет сугубо национальный характер. Национальная специфика оказывает большое влияние на черты оргкультуры в разных странах. Эта особенность становится заметна в условиях современного рынка, степень глобализации которого намного выше.

Таким образом, в центре внимания (осознанно или неосознанно) организационной культуры – выживание организации; все остальное отходит на второй план, в связи с чем люди, персонал «приносятся в жертву» достижениям, результатам, которые «выдаются» вовне. Что касается заботы об окружающей среде, социальной сфере – то в этом плане общественный заказ еще только назревает: прежде всего нужны товары и услуги для удовлетворения базовых потребностей потребителей. Важно еще раз подчеркнуть, что организационная культура помогает организациям решать стоящие перед ними задачи в условиях индустриального общества. Однако новый уровень общественного развития и соответствующий ему формирующийся новый тип менеджмента, системообразующим фактором которого становится человеческий фактор, ставит перед организациями новые задачи, которые оказываются «не под силу» организационной культуре, в связи с чем формируется новая форма культуры организации. Ею становится корпоративная культура.

Для выявления специфических черт корпоративной культуры, так же как в случае рассмотрения феномена организационной культуры, необходимо рассмотреть те социально-экономические условия, которые выступают предпосылкой ее возникновения и формирования, что и будет рассмотрено далее.

Принимая тезис о многофакторной детерминации политических и общественно-экономических процессов в становящемся обществе и анализируя то новое, что происходит в различных сферах общественной жизни, следует выделить три ключевых изменения, которые происходят в современном обществе:

1. Достижения НТР, приносящие изменения во все сферы жизни общества: материально-производственную, социальную, духовную, политико-управленческую, кардинально меняют характер всей системы общественного производства и воспроизводства.

2. Изменение роли информационного ресурса во всех сферах жизни общества и общественного производства.

3. Изменение роли человека в жизни общества, который рассматривается теперь и в качестве ведущего *средства* общественного производства, и в качестве его *цели*. Это проявляется в выдвижении на первый план таких ценностей, как свобода, творчество, самореализация, саморазвитие, профессионализм, репутация, защита окружающей среды, а также человеческие чувства. Это проявляется также в возникновении и развитии таких феноменов, как позитивный корпоративизм, социальное партнерство, социальная ответственность, когда, по мнению специалистов, признание чужих интересов выступает основным условием осуществления собственных.

Корпоративная культура это культура организации постэкономического типа, для которой характерен специфический набор ценностей. Он определяется прежде всего социально-экономическими условиями периода второй половины XX в., вышерассмотренными. В целом, в качестве необходимой предпосылки формирования новой формы социальной

культуры – корпоративной культуры – выступают такие феномены постиндустриального общества, как позитивный корпоративизм, социальное партнерство и социальная ответственность, а ценности, лежащие в основе этих феноменов, становятся ее ценностями. Знание ценностей корпоративной культуры позволяет выявить ее основные характеристики.

- Поскольку объективным требованием нового общества становится превращение человеческого ресурса в ведущий фактор эффективности производственной единицы, корпоративная культура выдвигает в качестве главного экономического ресурса человека. При этом, что очень важно в новых условиях, она обуславливает отношение к человеку не только как к средству достижения производственных задач, но и как к цели, как к целостному рационально-чувствующему существу! Корпоративная культура выступает, таким образом, базой формирования менеджмента нового типа, основанного на новых ценностях.

В этом смысле представляют интерес рассуждения У. Бенниса, который пишет в предисловии к книге «Конец менеджмента», что сегодня происходят изменения в философии менеджмента, в той системе ценностей, которая до сих пор лежала в основе управления. По его мнению, господствовавшей до сих пор обезличенной, механистической системе ценностей приходит на смену новая концепция организационных ценностей, которой присущи гуманистическо-демократические идеалы. А именно, если до сих пор считалось, что «... есть единственная организационная ценность или норма, которой должен придерживаться каждый сотрудник, а именно финансовый успех и последняя строчка в балансе» [2, с. 154], что финансовые результаты – это единственный критерий успеха и единственная конечная цель бизнеса, то сегодня менеджеры приходят к пониманию того, что для доходности организации имеют значение не только финансовые показатели, но и такие моменты, как ценности, этика, целостность, которые, в свою очередь, имеют колоссальное значение для развития сотрудничества, плюрализма, творческого потенциала, участия, ответственности, морального состояния коллектива и сплоченности. Более того, важно иметь в виду, что «организации, развивая ценности, укрепляя этику и целостность, прежде всего, должны стремиться не к увеличению прибыли...» [2, с. 155], а к тому, чтобы стать горнилом личностного роста и самореализации [2, с. 14]. Это важно потому, что создание рабочей среды, где люди испытывали бы гордость за то, что и как они делают, является самостоятельной ценностью. «Соответствие ценностям, этике и принципу целостности должно стать целью каждого сотрудника» [2, с. 155], но отнюдь не потому, что такое поведение оборачивается эффективностью в *экономическом, финансовом смысле*, а потому, что это позволит сотруднику уважать себя, самореализовываться, что ценно уже само по себе. Значит, прибыль хотя и остается важнейшей целью деятельности организации, однако наряду с ней в качестве не менее значимых возникают и другие цели.

Таким образом, по мнению исследователей, для человечества начинают приобретать все большее и большее значение такие ценности, как творчество, самореализация, свобода, а не только экономическая эффективность. Они рассматриваются уже не только как фактор (*средство*) успеха, но и как *самоценность*, то, ради чего стоит жить. Смысл революционных изменений в менеджменте, по мнению специалистов, гораздо глубже, чем просто эффективность, и состоит также в удовлетворении человека работой, в самоактуализации и экологическом выживании [2, с. 20]. Другими словами, определенные нравственные ценности приобретают

самостоятельное значение для людей, независимо от тех экономических моментов, которые с ними связаны. Осмысляя новые процессы в аспекте нравственного исторического прогресса, следует отметить, что ценности, которые выходят на первый план в новых условиях, реализуют еще один шаг человечества на пути к гуманизму.

- Изменение отношения к человеку как в обществе в целом, так и на уровне организации приводит, в свою очередь, к необходимости обновления всей системы управления персоналом. Как уже отмечалось, работодатель рассматривает персонал как главный источник процветания организации и наивысшую ее ценность. Совершенствование персонала становится одной из «корпоративных целей руководства» [1, с. 114]. Поскольку в новых общественных условиях большое значение приобретает повышение творческого потенциала работников, особенно в таких новых и наукоемких отраслях, как роботостроение, электроника, производство компьютеров и т. д. [3, с. 50], в качестве наиболее важных источников повышения эффективности всей системы управления производством стали рассматриваться «социально-психологические основы мотивации отдельного работника и соответствующие модели управления поведением» [3]. Таким образом, для корпоративной культуры характерно использование неэкономической мотивации, которая «осуществляется с использованием нравственных, моральных, идеальных и дисциплинарных методов, опирающихся на соответствующие ценности и нормы, смысл жизни, ценности личности в трудовой деятельности. Они направлены на удовлетворение духовных потребностей человека и являются более сложными в разработке и реализации, но и более продуктивными, так как способствуют наращиванию личностного потенциала и увеличивают его отдачу» [1, с. 216]. К ним относятся: делегирование полномочий, достаточное информирование, участие в управлении организацией, в процессах принятия решений, нематериальные вознаграждения, совместные мероприятия вне рабочего времени, благоприятная атмосфера в коллективе, уважительное отношение начальства, хорошие условия труда и др.

Специалисты отмечают, что в условиях информационного общества, требующего творческой активности персонала, неэкономическая мотивация превращается в важнейший ресурс, обеспечивающий успех современной организации. Более того, работа с людьми, совершенствование трудовых навыков, стиль руководства и взаимоотношений, учет индивидуальных запросов подчиненных, умелое руководство персоналом, основанное на научных теориях социально-психологической мотивации людей, создание корпоративной культуры имеют большее значение для организации, чем правильный выбор стратегий, структур и систем управления.

- В современных условиях глобализации корпоративная культура призвана решать важную задачу – находить оптимальный баланс ценностей различных национальных культур – тех, представители которых являются работниками организации. Это отличает ее от организационной культуры, система ценностей которой носила сугубо мононациональный характер. Кроме того, в корпоративной культуре помимо национальных ценностей присутствуют также ценности глобального рынка. Это те ценности, которые лежат в основе следующих новых социокультурных феноменов, в большей или меньшей степени существующих в разных частях глобального рынка:

- социальное партнерство;
- социальная ответственность;

- управление репутацией;
- управление имиджем (образом, впечатлением);
- эмоциональный менеджмент;
- управление знаниями, профессионализмом;
- менеджмент собственной личности.

Таким образом, система ценностей корпоративной культуры представляет собой диалектическое единство общего и особенного, национального и интернационального.

- В отличие от организационной культуры, для которой характерно выдвижение на первый план интересов организации во взаимоотношениях с внешней средой, корпоративная культура осуществляет свою деятельность с учетом интересов как организации, так и всех тех социальных групп, на которые деятельность организации оказывает влияние. Такое положение вещей связано с изменением ожиданий общества от организаций. Если раньше общество нуждалось просто в товарах и услугах, закрывая глаза на все связанные с деятельностью организации несовершенства, то теперь общество ожидает, во-первых, качественных товаров и услуг, во-вторых, достойного поведения организации по отношению к другим субъектам общественной жизни, социальной ответственности и уважения к тому обществу, в котором она существует и благодаря которому обеспечивает себе различные блага. Таким образом, одной из черт корпоративной культуры становится социально-ответственное поведение. Раскроем конкретнее аспект социальной ответственности. Реализация социальной ответственности в поведении организации означает: осознание и декларация значения ее деятельности для общества, ответственное отношение к побочным (неблагоприятным) последствиям своей деятельности, реализация принципа социальной справедливости в условиях общественного неравенства.

У разных организаций, в зависимости от характера деятельности, ответственность по отношению к обществу будет проявляться по-разному. Это могут быть программы по защите окружающей среды, здоровья населения, благотворительные мероприятия, предоставление льготных товаров или услуг и мн. др. К социально-ответственному поведению следует отнести и заботу организации о своих сотрудниках.

Важно отметить, что одним из следствий из тенденции к взаимоотношениям между субъектами общества на принципах социальной ответственности является то, что организации превращаются в *корпоративные сообщества*, характеризующиеся тем, что они защищают интересы всех групп общественности, входящих в них [1, с. 113]. Корпоративное сообщество объединяет всех, кто так или иначе связан с ее жизнедеятельностью, а это значит, что в нее входит не только внутренняя общественность (сотрудники, собственники), но и внешняя. Таким образом, в единый социальный организм объединяются как обладатели средств производства, так и наемные работники, потребители, другие группы общественности. Как результат формируется новая корпоративная философия, которая ориентирована на равноправность интересов *всех* субъектов корпоративного сообщества. Сотрудничество, партнерство, система доверия и согласованных действий становятся такими же важными, как и система хозяйственного управления. В современных корпорациях люди связаны между собой прочной системой связей и отношений. Заглядывая вперед, отметим, что интересы всех участников корпоративного сообщества могут быть отражены в миссии организации.

- Одной из важных черт корпоративной культуры является инновационность. В связи с достижениями НТР и увеличением скорости распространения информации в обществе производителям товаров и услуг становится все труднее выжить в конкурентной борьбе, поскольку среди множества сходных товаров и услуг необходимо выделиться, предложить рынку что-то более интересное или, по крайней мере, новое. Поэтому, если для традиционной (адаптивной) корпорации было характерно подстраиваться под уже существующие потребности рынка – и это было способом ее оптимального выживания, – то современная (креативная) [1, с. 112] корпорация сама активно формирует новые потребности рынка, создавая новые товары и услуги или усовершенствуя старые. Таким образом, корпоративная культура обладает такой уникальной характеристикой как инновационность, суть которой заключается в способности ее сотрудников к постоянным изменениям, что является важным адаптивным качеством, обеспечивающим жизнеспособность организации в современных условиях. Э. Шейн отмечает, что хотя культура представляет собой «стабилизатор, консервативную силу» [4, с. 300], все же полагается возможным сформировать в качестве *постоянной* характеристики культуры способность к непрерывному обучению и изменениям.

- Особенности корпоративной культуры в конкретной организации, так же как и в случае с культурой организационной, задаются как формальными руководителями, так и лидерами. А с точки зрения структуры все составляющие корпоративной культуры определяются, как и в случае организационной культуры, ее организационными ценностями.

- Поскольку деятельность по формированию, изменению и поддержанию корпоративной культуры во многом представляет собой работу с информацией, важной особенностью корпоративной культуры является ее опора на современные информационные технологии (ИТ). Современные ИТ – технические средства, с помощью которых можно осуществлять поиск, обработку, передачу, защиту и уничтожение информации различных форм (числовой, текстовой, графической, звуковой). Важное значение в рамках корпоративной культуры приобретает как получение информации из внешней и внутренней среды, так и подача информации во внешнюю и внутреннюю среду. В связи с этим важным аспектом эффективности деятельности становятся формы подачи информации, поскольку от того, в какой форме подана информация, будет зависеть, насколько адекватно она будет воспринята и будет ли воспринята вообще. В таких условиях ИТ оказываются невероятно востребованными, поскольку позволяют осуществлять все перечисленные операции с информацией наиболее эффективным способом. Более того, ИТ оказываются в центре всех технологий, так как с их помощью обеспечивается использование решающего ресурса общественного производства – информации.

На сегодняшний день компании, «не жалеющие денег на информационные технологии, получают от своих вложений далеко не все, что могли бы. ... Неадекватность результата затратам объясняется, во-первых, недостаточной осведомленностью в вопросах возможностей, предоставляемых современными технологиями, и, во-вторых, неполным использованием этих возможностей, даже когда у организации на руках есть все средства для оперативной доставки нужной информации всем сотрудникам компании» [5, с. 13].

Корпоративная культура – многофакторный феномен, который, удовлетворяя потребности развития современного рынка и современного менеджмента, соответствует новой цивилизационной стадии развития общества. Потенциальные возможности феномена

корпоративной культуры еще находятся в стадии осмысления, изучения и научного поиска. Важно еще раз подчеркнуть, что необходимость корпоративной культуры актуализируется условиями формирования и развития информационного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капитонов Э. А., Зинченко Г. П., Капитонов А. Э. Корпоративная культура: теория и практика. М.: Альфа-Пресс, 2005.
2. Клок К., Голдсмит Дж. Конец менеджмента и становление организационной демократии. СПб.: Питер, 2004.
3. Журавлев П. В., Калапов М. Н., Сухарев С. А. Мировой опыт в управлении персоналом. Обзор зарубежных источников М.: Изд-во Рос. экон. акад.; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
4. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ.; Под ред. В. А. Спивака. СПб: Питер, 2002.
5. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М.: Эксмо-Пресс, 2000.

R. I. Mamina, M. D. Ronzina

CORPORATE CULTURE & ITS PECULIARITIES

The main & essential features of corporate culture as a new form of social culture of the postindustrial society are discovered.

Corporate culture, culture of organization, organizational culture, industrial society, postindustrial society, the level of development of management

ПРОБЛЕМЫ СЕМИОТИКИ: ПОСТМОДЕРНИЗМ И ДЕКОНСТРУКТИВИСТСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ЖАКА ДЕРРИДА

Посвящена самой необычной и в то же время важной теории в практике современного литературоведения. Деконструкция – метод анализа литературного текста, предложенный Жаком Деррида. Он постулирует невозможность извлечения из текста первоначального смысла, который вкладывает автор. Деконструкция обращает внимание на собственную авторитетность текста и подразумевает тщательный анализ элементарных частей во всем широком разнообразии их значений.

Деконструкция, литературоведение, семиотика, семиозис, знак, постмодернизм

Теория познания, литературоведение и постмодернизм. Теория познания, призванная помочь человеку в нелёгком деле познания мира, направить его по правильному или, по крайней мере, менее «тернистому и извилистому» пути к истине, как это ни странно, все дальше уводит в дебри. Предлагая все новые и новые способы для получения знаний об окружающей реальности, она опровергает предложенные ранее, объявленные и принятые многими за верные пути познания. Или, что ещё удивительнее, утверждает, что объективной реальности не существует и все, что человек видит и чувствует, находится внутри его сознания. Очередная попытка «прочитать» и интерпретировать мир, как правило, заканчивается построением новой объясняющей теории, которая сама по себе является достаточно аргументированной и вполне состоятельной, тогда как, попав «на арену», где идёт противоборство других «вполне состоятельных» теорий, получает изрядную дозу критики. И по праву, ведь в рамки соперников её вписать бывает крайне трудно или вообще невозможно.

Такое противостояние является подлинно семиотической проблемой, ибо связано с расшифровкой знаков, за которыми кроется истина. В области расшифровки текстов сопряжённым с теорией познания является литературоведение, которое прямо перекликается с семиотикой – как в терминологической области, так и в проблематике, так как направлено на выяснение содержания анализируемого текста.

Предмет статьи – постмодернистское литературоведение Жака Деррида – заслуживает особого внимания, так как поиски истины в его рамках приобретают особый характер. Возможно, найдя новую, кардинально отличную от предыдущих трактовку смысла или (что тоже нельзя отрицать) просто сдавшись, постмодернисты выходят «на арену» со своим отрицанием объективной истины.

В западной философии модерна человеческий разум рассматривается как высший судья и критерий любой истины. Например, даже если бы Бог существовал и даже если бы считалось, что Он открыл какие-то истины человечеству, существование Бога и Его откровение должны были бы предстать перед судом человеческого разума и пройти соответствующее испытание, чтобы считаться истинными. При этом модернисты соглашались с тем, что объективная истина всё же существует и поиски непременно приведут к ее обнаружению.

С точки зрения постмодернистов, модернизм оказался фактором угнетения человека. Он породил универсальные, всеохватывающие объяснительные теории (метанарративы), которые угнетают людей, подавляют их непосредственные творческие порывы и независимое мышление и, мало того, влекут за собой катастрофические последствия, такие как мировые войны, спровоцированные псевдонаучными теориями расового превосходства.

Поэтому, подобно модернизму, постмодернизм считает человека центром мироздания и судьей всех вещей, но не все человечество в целом, не какое-то собрание специалистов и «авторитетов», а каждого индивида или, по крайней мере, каждое отдельное сообщество. А это означает, что нет никакой объективной истины, которая, будучи обнаруженной, должна быть принята каждым человеком. Истина – это то, что кажется истинным любому индивиду или сообществу [1, с. 313].

На этом этапе следует приостановить изыскания по поводу научных, философских и культурных направлений и обратиться непосредственно к семиотике, так как без определённых базовых знаний в этой области (терминологии и предмета) нет смысла двигаться дальше и углубляться в изучение деконструкции.

Проблемы семиотики. Основоположник семиотики Чарльз Сандерс Пирс, химик по образованию, тридцать лет проработавший по своей основной специальности, сегодня снискал мировую славу за свой вклад в логику, математику, философию и теорию о знаках или семиотику. Несмотря на то, что все его работы были написаны еще до Первой мировой войны, они стали печататься лишь спустя тридцать лет после ее окончания, а на русский язык были переведены только лишь недавно, не более десяти лет назад.

В своих трудах Пирс предлагает множество типологий и определений знака (> 76 определений!). Но главной типологией считается деление знаков на образы (icons), индексы (indices) и символы (symbols).

- *Образы*, как правило, напоминают или имитируют объект, на который указывают. В своём облике они содержат релевантные качества объекта (например, дорожный знак, на котором изображены вилка и нож, указывает на то, что рядом находится место, где можно пообедать и отдохнуть).

- *Индексы* (их иногда называют «семами») имеют непосредственную связь с объектом, обусловлены им (например, дым, который валит из окон дома, является индексом пожара). Так, отдельно взятые семы какого-то слова могут указывать на само это слово или явление.

- *Символы* указывают на объект исключительно в силу своей интерпретации, т. е. связь между символом и объектом, за отсутствием какого бы то ни было физического или визуального соответствия, должна быть установлена и оговорена заранее (например, слово или, точнее, сочетание букв «кошка» указывает на реальное животное семейства кошачьих) [2, http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_Saunders_Pierce].

В теории Пирса большое внимание уделяется понятию *семиозис*. Он применял это понятие для характеристики триадической природы элементарного знакового отношения: объект – знак – интерпретанта. По мысли Пирса, знак не функционирует как знак до тех пор, пока он не осмысливается как таковой. Иначе говоря, знаки должны быть интерпретированы, чтобы быть знаками. Осуществляется это знание благодаря интерпретанте. Интерпретанта – это перевод, истолкование, концептуализация отношения знак/объект в последующем знаке (например, определенная реакция человека на воспринимаемый знак; объяснение значения

данного слова с помощью других слов и т. д.). Каждый знак способен породить интерпретанту, и этот процесс фактически бесконечен. Пирс постулирует необходимость бесконечности этого процесса следующим образом. Если предположить гипотетическое существование самой последней, самой сложной, исчерпывающей и завершающей интерпретанты данного объекта, то эта интерпретанта может быть ни чем иным как самим объектом, целиком явленным нашему сознанию. Но такой объект, равно как и такой знак (как физически тождественные друг другу) не возможны и не существуют. Стало быть, процесс интерпретации безграничен. На этом постулате основана идея Пирса о неограниченном *семиозисе*. В рамках такого подхода, *семиозис* – это динамический процесс интерпретации знака, единственно возможный способ его функционирования. *Семиозис* – это деятельность знака по производству своей интерпретанты. Идея *семиозиса* выражает самую суть отношений между знаком и внешним миром – объект репрезентации существует, но он удален и недостижим. Однако познание этого объекта возможно лишь через исследование порожденных им знаков [2, <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%81>].

Идея о работе знака по производству своего значения – это то, из чего во многом исходит Жак Деррида в своем деконструктивистском литературоведении. Поэтому на данном этапе следует вернуться назад, чтобы изложить основные постулаты его теории, а также дать краткое пояснение каждому из них. Настоящая статья представляет собой критический анализ статьи в сборнике по основам философии и истории, составленном двумя британскими авторами Д. Гудингом и Дж. Ленноксом, историком религии и физиком-философом соответственно. Отдавая должное тому, насколько точно и ясно изложены в статье основы теории Деррида, необходимо отметить, что в ней также присутствует резкая критика его взглядов. Большинство выводов, представленных в работе, являются контраргументами на наиболее неправомерные критические замечания в адрес деконструкции, предложенной Деррида. Для разъяснения противоречий и подкрепления аргументации использовались работы самого литературоведа, а также труды некоторых его соратников и последователей.

Точка зрения Деррида на практику литературоведения. Жак Деррида получил известность за введение принципа деконструкции, который он сам применяет при анализе литературных текстов. Его методология оказала значительное влияние на современную практику анализа текстов и гуманитарное знание в целом. Деконструкция носит явный бескомпромиссный характер целенаправленной антитрадиции. Далее представлены основные принципы теории литературоведения, разработанной Деррида:

- I. Запрет на обращение к тому смыслу, который вкладывал в текст его автор.
- II. Отрицание метафизики в любом смысле этого термина; отрицание того, что значение предшествует словам или что слова передают предшествующее значение.
- III. Утверждение, что письмо предшествует речи, что сигнификация или обозначение (означивание) создает значение.
- IV. Отрицание того, что слова имеют своё собственное значение. Утверждение, что значение слова всегда «отложено», или сдвинуто, из которого следует неограниченность игры смыслов.
- V. Практика деконструкции. Для деконструкции дискурса или текста необходимо показать, как этот текст или все другие дискурсы или тексты подрывают любую содержащуюся в них философию.
- VI. Идеальное письмо Деррида [1, с. 316].

Рассмотрим эти принципы подробнее:

I. *Запрет на обращение к тому смыслу, который вкладывал в текст его автор.* На протяжении веков в литературоведении считалось, что истинная интерпретация текста должна быть направлена на обнаружение значения, которое заложил автор. Считалось, что, создавая текст, автор всегда пытается выразить через него какой-то смысл.

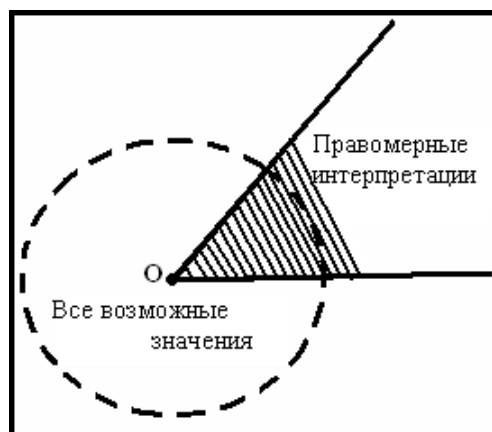
Но в 1954 г. У. К. Уимсат и М. Бёрдсли опубликовали работу под названием «Интенциональная ошибка» [3], где подвергли сомнению этот фундаментальный принцип интерпретации. Их теория сводится к тому, что автор часто, намереваясь сказать одно, говорит совершенно другое; мало того, многие слова, которые употребляет автор, часто могут быть многозначными или иметь совершенно разные коннотации у автора и его читателей. Например, в британском английском слово *homely* по отношению к женщине означает, что она простая и непритязательная (т. е. это положительная характеристика), однако в американском английском *homely* значит непривлекательная или просто безобразная (т. е. несёт крайне отрицательное значение).

Более того, письмо обладает ограниченностью по сравнению с речью. Говорящий может передать значение с помощью интонации, тона, высоты голоса, жестов, мимики и т. п.

Теория интенциональной ошибки гласит, что текст заключает в себе *свою собственную авторитетность*. И не следует стремиться к невозможному и реконструировать мысли и намерения, которые автор мог вложить в своё сочинение.

Наиболее четко выразил смысл этой теории Поль Рикер (учитель Деррида). Он утверждал: «На письме словесное значение текста уже не совпадает с психическим значением или интенцией (намерением) текста. Эта интенция как исполняется, так и устраняется посредством текста, который уже больше не является голосом того, кто присутствует. *Текст нем*» [4, с. 75].

Критика Гудинга и Леннокса сводится, в основном, к двум основным положениям: 1) в некоторых случаях автор сам указывает в тексте свою интенцию, т. е. объясняет, какой смысл он вкладывал в текст при его написании (например, см. Евангелие от Иоанна 20:30-31); 2) если даже мы не можем быть уверенными в намерениях автора, то мы точно можем сказать, что в них *не входило* (т. е. отрицание того, что число возможных значений текста бесконечно). Но очевидно, что первый случай не выходит за рамки теории интенциональной ошибки. Автор, выражая свою интенцию, всегда использует письмо, которое (по Уимсату и Бёрдсли) ограничено и «непоправимо» искажает значение, приобретая тем самым свою автономность, т. е. указание автором своей собственной интенции превращается в такой же точно текст и (по Деррида) не заключает ранее существовавшее значение, а рождает его. Для второго случая, необходима графическая иллюстрация.

Комментарий: окружность, очерченная штриховыми линиями, условно обозначает бесконечную плоскость (бесконечное количество интерпретаций) с какой-то точкой O. Из этой точки строим сектор воображаемой окружности (в сектор входят все правомерные интерпретации текста).

Вопрос: можно ли утверждать, что общее количество значений (равное бесконечности) больше количества правомерных интерпретаций, входящих в воображаемый сектор бесконечной плоскости (также равного бесконечности)? Ответ очевиден. Отсюда делаем вывод, что отсечение *точно не входящих* в возможную интерпретацию значений ничуть не ограничивает свободу выбора правомерных интерпретаций, ибо их число также равняется бесконечности.

II. *Отрицание метафизики в любом смысле этого термина; отрицание того, что значение предшествует словам или что слова передают предшествующее значение.* Этот аспект теории Деррида прежде всего сводится к отрицанию *логоцентризма*. *Логос* – это принцип рациональности, который лежит в основании мироздания и пронизывает всю Вселенную, придавая ей рациональный смысл и значимость. А *логоцентризм* – это уверенность в том, что рациональность Вселенной существовала до нас и независимо от нас. Применительно к словам это означает, что человек не производит, а воспроизводит или выражает уже существующее значение. Как раз против этого и выступает Деррида. Он говорит: «Писать – это знать, что ещё не явленное в букве не имеет иного обиталища, не ожидает нас как предписанное в каком-нибудь *topos ouranios* или каком-нибудь божественном разумении. Смысл должен дожидаться, пока его выскажут и запишут, чтобы в себе поселиться и стать тем, чем, в отличие от себя, он является: смыслом» [5, с. 18].

Деррида говорит здесь, что, для того чтобы значение стало значением, оно должно отличаться от самого себя, т. е. истинное значение появляется в результате *означивания*. Николас Уолтерстоф так резюмирует рассуждения Деррида по поводу значения: «Если значение не предшествует означиванию, а является порождением означивания, *нашему* означиванию, то это означает, что не существует божественной книги, по образцу которой мы должны моделировать наши книги, никаких божественных мыслей, следуя которым мы должны мыслить наши мысли. Бог Лейбница – а в действительности Бог иудеев – должен уйти» [6, с. 161] (имеются в виду высказывания Лейбница по поводу того, что рациональность Вселенной отразила разум Бога задолго до появления человечества, Природа – одна из книг Бога (другая – Библия), по которым можно читать законы Творца).

Отрицая логоцентризм, Деррида выступает против метафизики. Он намеревается её деконструировать и тем самым от неё избавиться, но сталкивается с непреодолимым препятствием: для устранения метафизики необходимо использовать правильную (*valid*) аргументацию. Но правильную аргументацию можно черпать только из метафизики. Таким образом, для того чтобы использовать метафизические аргументы для подрыва метафизики, необходимо допустить правильность метафизических аргументов. Для Деррида понятие знака и означаемого является необходимой составной частью метафизики. Эти понятия не являются элементарными, они сложные. Поэтому, будучи извлечёнными из метафизики, они обязательно «тащат» за собой всю метафизику. Окончательный вывод Деррида гласит: метафизика неизбежна!

III. *Утверждение, что письмо предшествует речи, что сигнификация, или обозначение (означивание), создает значение.* В своей книге «О грамматологии» Деррида стремится показать, что «языковой знак не существует до письма» [7, с. 129]. Письмо в его понимании представляет собой «запись и прежде всего прочное установление знака (таково единствен-

ное неразложимое ядро понятия письма)» [7, с. 165]. Гудинг и Леннокс пытаются опровергнуть эти утверждения тем, что приводят известные всем (конечно же, не исключая и Деррида) примеры об историческом предшествовании речи письму: о том, что дети сначала учатся говорить, а затем писать; что до сих пор существуют бесписьменные языки. Но очевидно, что Деррида не имеет в виду исторический порядок появления речи и письма. Далее он говорит, что «письмо вообще покрывает всё поле языковых знаков. В этом поле может далее обнаружиться определённый вид установленных “графических” означающих в узком и произвольном смысле этого слова, упорядоченных определённым отношением к другим установленным означающим и, следовательно, “записанных”, даже если они являются “звуковыми”» [7, с. 165]. Исходя из приведённого высказывания, можно заключить, что Деррида, по мере изложения своих мыслей, даёт новое определение понятию «письмо».

Дж. Каллер – известный толкователь концепции Деррида – говорит о том, что придерживающиеся традиционной концепции приоритетности речи по отношению к письму стремятся «доказать не только фактический и логический приоритет речи по отношению к письму, но претендуют на утверждение более фундаментального приоритета. Они считают, что речь находится в прямом контакте со значением» [8, с. 100]. По всей видимости, утверждение Деррида направлено на отрицание того, что именно речь находится в прямом контакте со значением. На этом же основан тезис литературоведа о том, что значение всегда создается путём означивания.

IV. *Отрицание того, что слова имеют своё собственное значение. Утверждение, что значение слова всегда «отложено», или сдвинуто, из которого следует неограниченность игры смыслов.* Для обсуждения этого вопроса приведем ещё одно высказывание Деррида: «...Это поле на самом деле – поле *игры*, то есть бесконечных подстановок... Можно сказать... что это движение игры, дозволяемое нехваткой, отсутствием центра или истока, есть движение *вос-полнительности*» [5, с. 364].

Для обоснования тезиса приводится тот факт, что, для того чтобы узнать значение данного слова, необходимо подождать и посмотреть, каким будет значение следующего за ним слова. Возьмем, к примеру, слово «операция». Оно может означать военную операцию, медицинскую, механическую и пр. Если бы оно находилось в изоляции, то нельзя было бы сказать, какого типа операцию оно обозначает [1, с. 345]. Следовательно, значение слова – «отложено» до того времени, пока мы не дойдём до следующего слова.

Гудинг и Леннокс, критикуя, утверждают, что слово «операция» при явной размытости значения все же обладает смысловым ядром (происходит от латинских слов *opera/operatio*, со значением «работа», «работать») и что, даже если взять все возможные смыслы этого слова, то в результате не получится бесконечного числа значений. Этот аргумент, с одной стороны, отсылает нас к п. I и представленной в нем схеме, а с другой – позволяет сделать вывод о том, что если авторы признают размытость значения представленного слова, то они не могут утверждать того, что фраза «слово имеет свое собственное значение» верна.

V. *Практика деконструкции.* Деконструкция как литературоведческий прием не только определяет способ анализа текста, но также имеет определённую направленность и мотивы. Отрицается статус языка как средства указания. Объект – авторитетность самого

текста. Также «для деконструкции дискурса необходимо показать, как он подрывает содержащуюся в нем философию» [8, с. 86]. Техника деконструкции предполагает изъятие слова из контекста и анализ его возможных смысловых оттенков, т. е. расчленение текста на элементарные составляющие и тщательное, и главное, обособленное их рассмотрение. Но поскольку основной темой работы являются проблемы семиотики, безусловно, лишним будет углубляться в детали литературоведческих техник, предложенных Деррида.

Что же касается мотивировки и направленности, то «деконструирующий дискурс в литературной критике, философии или в самой поэзии подрывает статус языка как средства указания, подлежащего деконструкции» [9, с. 30]. Гудинг и Леннокс критикуют за это сторонников Деррида. Они считают, что цель деконструкции негативна, что она направлена на то, чтобы «нарушать», «подрывать», «быть обращенной против». За то, что деконструкция является активной антитезой всему тому, чем должна быть традиционная критика, они называют её «языком революционера». Авторы опасаются полного литературного хаоса, который может наступить, если принят будет постулат о том, что объективности вне отдельного Я не существует.

Гудинг и Леннокс также обращают внимание читателя на то, что деконструктивисты отказываются применять свой метод по отношению к своей собственной теории. Приводится цитата Деррида: «Справедливость сама по себе, если таковая существует – вне или за пределами закона, – не подлежит деконструкции. Не в большей мере, чем сама деконструкция, если такая вещь существует. Деконструкция – это справедливость» [10, с. 14–15].

Что касается последнего замечания, то здесь Деррида на самом деле находится в безвыходном положении. Согласно законам логики, теория, одним из своих положений опровергающая сама себя, является несостоятельной. Согласно Деррида, не существует объективных ценностей и фундаментальных принципов, которые могут быть поняты и *точно* выражены с помощью слов. Слово «справедливость» не указывает ни на какую объективную сущность. Для того чтобы предположить такое указание, нужно принять ложную идею логоцентризма. А Деррида все-таки стремится утвердить такие объективные ценности, как справедливость и деконструкция. Таким образом, Деррида противоречит фундаментальным принципам, на которых он построил свою теорию литературной и языковой критики.

Но стоит заметить, что теория деконструкции, очевидно, относится к той же «неясной» области логики, что и известные логические «неразрешимости». Например, фраза «Я лгу», оказавшись правдой, противоречит своему значению, а если брать во внимание только ее значение, то она вообще теряет смысл. Так человек, который создал бы теорию о том, что все слова есть ложь, мог бы закончить свою работу только одной единственной фразой: «И все, что я написал – тоже ложь». И даже эта последняя фраза должна была бы, по его теории, быть ложью, т. е. тогда теория оказалась бы правдой и противоречила бы сама себе. И Деррида, утверждая, что текст автономен и не содержит интенции автора, должен был бы признать: то, что он пытался вложить в свою теорию, не имеет для читателя никакого смысла, и каждый должен воспринимать лишь значение, порождённое текстом, которое может быть очень разным. Но вместо этого Деррида вступает в полемику с критиками и журналистами, обвиняя их в неправильной трактовке и недостаточной глубине анализа.

VI. *Идеальное письмо Деррида*. Напрашивается вопрос: как бы стал действовать сам Деррида, если бы захотел написать текст? Опираясь на его собственные принципы, он не мог бы поставить своей целью выражение идеи или смысла. Вот как он сам объясняет своё представление об «идеальном» письме: «Писать – это отступать. Не в свой шатёр, чтобы там писать, а от своего же письма. Сесть на мель вдали от своего языка, его раскрепостить или бросить на произвол, оставить на дороге в одиночку, без средств. Оставить речь. Быть поэтом – это уметь оставить речь. Оставить ее говорить одну-единёшеньку, что она может делать только лишь в написанном.... Оставить письмо – означает быть здесь лишь для того, чтобы оставить ему проход, послужить полупрозрачной средой его прохождения: всем и ничем. На взгляд произведения, писатель одновременно всё и ничего. Как Бог» [5, с. 89]. Деррида создает сочинение, которое «идет на риск не иметь смысла» и которое без этого риска «было бы просто ничем» [5, с. 93], и которое идёт на риск отсутствия значения, чтобы «начать игру» [6, с. 166–167].

Теория деконструкции Жака Деррида представляет огромный интерес как для литературоведов, так и для семиотиков. Принципы, на которых она построена, открывают новые грани отношений: значение – слово и предмет – слово. А на них, в свою очередь, основывается знаменитая триада Чарльза Пирса. Деконструкция во многом перекликается с идеей Пирса о постоянном семиозисе, как динамическом процессе интерпретации знака. Это дает основания надеяться на то, что симбиоз двух наук благотворно скажется на развитии обеих и позволит найти решение для самых сложных семиотических и литературоведческих проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудинг Д., Леннокс Дж. Мировоззрение: человек в поисках истины и реальности. Ярославль: Норд, 2004. Т. 2. Кн. 1.
2. Электронная энциклопедия: <http://www.wikipedia.org>
3. Wimsatt W. K., Beardsley M. The Intentional Fallacy // The Verbal Icon: Studies in the Meaning of Poetry. Kentucky: University of Kentucky Press, 1954.
4. Ricoeur P. Interpretation Theory. Forth Worth: Texas Christian University Press, 1975.
5. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000.
6. Wolterstorff N. Divine Discourse, Philosophical Reflections on the Claim That God Speaks. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
7. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.
8. Culler J. Deconstruction: Theory and Criticism after Structuralism. Ithaca: Cornell University Press, 1982.
9. Miller J. Hillis. Deconstructing the Deconstructors // Diacritics. Vol. 5. 1975.
10. Derrida J. Force of the Law: The Mystical Foundation of Authority // Deconstruction and the Possibility of Justice / Ed. by D. Cornell, M. Rosenfeld, D. G. Carlson. New York: Routledge, 1992.

A. V. Reshetnikov

SEMEIOLOGICAL PROBLEMS: POSTMODERNISM AND DECONSTRUCTION OF JACQUES DERRIDA

The article is dedicated to the most unusual and at the same time influential theories of the modern criticism of literature. Deconstruction is a method of literary analysis offered by Jacques Derrida. It states that, while analysing the text, it is impossible to extract the institutional meaning enclosed by the author. Deconstruction proclaims the inherent authority of the text, it implies careful examination of elementary pieces of the text in the vast variety of their meanings.

Deconstruction, literary criticism, semeiology, semiosis, sign, postmodernism

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНОГО ЖАРГОНА РУССКОГО ЯЗЫКА

Анализируются некоторые причины формирования специального компьютерного подъязыка. Отмечается, что заимствования являются одним из продуктивных способов пополнения словарного запаса русского языка. Рассматриваются некоторые семантические особенности русского компьютерного жаргона и его отличия от общего жаргона. Подчеркивается, что данный жаргон выполняет разнообразные функции в речи.

Заимствования, иноязычные слова, компьютерный подъязык, терминологическая система, профессионализмы, компьютерный жаргон, сленг, специальная лексика, литературный язык

Последние десятилетия XX века ознаменовались бурным развитием высоких технологий и компьютерной техники в западных странах. Настоящий этап развития цивилизации уже практически невозможно представить вне развития компьютерных технологий, хотя еще в середине XX века обсуждалась сама возможность выделения в самостоятельную науку такой области знания, как кибернетика. С появлением вычислительных машин неизбежно начала появляться терминология, обслуживающая новую предметную область вычислительной техники и информатики. И если первоначально компьютер рассматривался как вспомогательный инструмент ученого, который мог расширить его интеллектуальные возможности, то в настоящее время компьютер стал для миллионов пользователей рабочим инструментом, посредником в процессе общения, проводником в виртуальную реальность, мало чем по сути своей отличающимся от обычного бытового прибора. «Всеобщая компьютеризация» привела к образованию во многих национальных языках, включая русский, специальных компьютерных подъязыков. Компьютерный язык, как и сами информационные технологии, испытывает на себе сильное влияние английского языка, при этом оставаясь уникальным явлением для каждой из культур.

Поскольку родиной первых компьютеров были США и основное программное обеспечение и по сей день разрабатывается на английском языке, с 80-х годов XX века резко активизировался процесс заимствования иноязычных слов, прежде всего английских, в русский язык. За последние несколько десятилетий довольно значительный пласт компьютерной лексики уже прочно вошел в современный русский литературный язык. Достаточно вспомнить такие слова, как *компьютер, клавиатура, дисплей, мышь, курсор, монитор, принтер, диск, память, файл, вирус, винчестер, Интернет* и другие, зафиксированные словарями русского языка. Некоторые слова этой группы, даже будучи заимствованными, уже настолько «освоены» русским языком и ассимилировались им, подчинившись русской грамматике (приняли формы словоизменения и создали словообразовательные гнезда), что воспринимаются как вполне русские, например: *компьютер => компьютерный => компьютеризация => компьютеризированный => компьютерщик => компоголик; Интернет => и-нет => Интернетовский => интернетчик => и-нетчик; файл => файловый => файл* и т. д. Этот процесс не является чем-то необычным: во все периоды своего развития русский язык всегда был широко открыт для заимствований, особенно в научно-технической сфере. Достаточно вспомнить начало формирования научного стиля в

России в XVIII веке, когда в русский язык в большом количестве вошли термины наук и ремесел, стремительно развивавшихся в стране в этот период [1], [2]. Можно по-разному относиться к иноязычным словам, однако бесполезно отрицать, что процессы заимствования – это реальные факты развития языка, многие из них обусловлены требованием жизни и попытки избавиться от «иноверцев» уже давно обречены на провал. Как отмечал В. М. Мокиенко, «страшиться за судьбу русского языка из-за притока новых, пусть и “чужих”, слов не следует, ибо языковая система, как показывает многовековой опыт, сама отбирает пути освобождения от лишнего, а полезное – сохраняет и развивает, делая “своим”» [3, с. 6]. Следует отметить, что и само отношение лингвистов к заимствованиям постепенно меняется коренным образом ([4], [5] и др.).

К настоящему времени уже можно с уверенностью сказать о существовании русского компьютерного подязыка, который состоит из достаточно богатой терминологической системы и широкого круга профессионализмов, используемых специалистами в общении друг с другом и заменяющих иногда для удобства этого общения «официальные», зачастую громоздкие термины. Следует также говорить о весьма значительной группе слов и словосочетаний, которые условно можно назвать компьютерным жаргоном (некоторые исследователи предпочитают термин «компьютерный сленг», другие же вообще не делают различия между терминами «компьютерный термин», «компьютерный жаргон» и «компьютерный сленг»). В рамках данной статьи для удобства изложения также будем придерживаться этого термина, не вдаваясь в тонкости толкований терминов «жаргон» и «сленг», хотя несколько позднее необходимость в этом, безусловно, возникнет. Именно компьютерный жаргон как наиболее «живая» часть компьютерного языка вызывает наибольший интерес как лингвистов, так и специалистов-компьютерщиков. Будучи языком преимущественно молодых людей, как утверждают многие лингвисты, компьютерный жаргон содержит много специфических слов и окказионализмов, обслуживающих данную профессиональную сферу деятельности.

Иноязычные заимствования являются отнюдь не единственным источником пополнения компьютерного языка (и жаргона в частности), используются метафорические переносы общеупотребительных слов, встречаются и другие способы переноса. Многие русские компьютерные неологизмы, если они аналогичны их английским прообразам, вполне понятны англоязычным носителям компьютерного языка. Русские носители компьютерного подязыка активно спрягают заимствованные глаголы, при этом не только придавая им способность изменяться по лицам и числам, но и с помощью различных приставок приписывать им категорию вида. В качестве примера можно привести группу подобных глаголов с английской транслитерированной основой и русскими грамматическими показателями: *заапгрейдить*, *заапдейтить*, *зааптовать*, *заенкодить*, *забанить*, *заюзить*, *перекристаллизовать*, *прилинковать*, *припойнтовать* и мн. др. Так как компьютерная сфера относится к наиболее стремительно развивающимся, словарь постоянно пополняется новыми единицами, а из-за быстрого устаревания компьютерных программ и оборудования многие слова так же быстро исчезают из употребления.

В последнее десятилетие усилился интерес лингвистов к компьютерному подязыку, изменениям, происходящим в русском языке под влиянием Интернета. Наряду с материалами, посвященными взаимодействию русского литературного языка и компьютерного жар-

гона, а также особенностям последнего, публикуемых в периодических компьютерных изданиях начиная с середины 90-х годов (журналы «Компьютерра», «Мир ПК», «Компьютер Пресс» и др.), появились и серьезные лингвистические исследования ([6]–[8] и др.). Можно заметить, что среди людей, занимающихся этими вопросами, вполне определенно наметились две полярные точки зрения на роль и место компьютерного жаргона в современном русском языке.

Некоторые из исследователей говорят о том, что происходит постепенное разрушение и деградация русского языка, вытеснение его упрощенным английским, редукция орфографии и пунктуации. Отмечается что ПК оказывает негативное влияние на русский язык, на стереотипы речевой деятельности, на языковое сознание индивида. Неоднократно указывается на пренебрежительное отношение к нормам русской пунктуации и орфографии со стороны пользователей российского Интернета. Действительно, в сети можно обнаружить сотни сайтов при поиске по словам, намеренно содержащим ошибки. А так называемый падонкаффский язык, обязанный своим появлением Интернету и стремительно распространившийся за его пределы? «В Интернет ворвались и доминируют такие группы, для которых письменная коммуникация ограничивается заборами и стенами, они в муках рождают свой язык. Ничего хорошего культуре это не несет», – заметил сотрудник лингвистического отдела компании «АВВУ».

Казалось бы, можно сказать, что речь идет об общей установке на пренебрежение языком. Однако даже в среде активных пользователей сети довольно часто можно встретить высказывания, показывающие отнюдь не равнодушное отношение к русскому языку: *«Вы бы все сначала научились правильно, без ошибок писать на родном русском языке, а потом уж и программу обгаживайте»* (запись 2001 года); *«Знаете, но такой вот компьютерный жаргон используют либо выпендривающиеся новички, либо просто некультурные. Нормальные люди называют вещи своими именами»* (запись 2004 года); *«Насколько приемлемым является использование английских сокращений в и-нете? Могут ли существовать какие-либо этические или моральные правила их использования? Не слишком ли много англицизмов насильственным образом входит в наш мир?»* (запись 2004 года); *«Слава Богу, что есть кто-то, кто серьезно занят проблемой оздоровления компьютерной терминологии. Кому это не безразлично...»* (запись 2004 года).

Сторонники второй точки зрения на это языковое явление признают «право» компьютерного жаргона на существование, отмечая, что первоначально использование жаргона было признаком принадлежности к «кругу посвященных, избранных» пользователей умных машин, лишь постепенно расширялись границы его употребления. Жаргон выполняет функцию самоидентификации, сближая компьютерщиков друг с другом, помогая им найти общий язык, часто употребляется в целях повышения выразительности речи, для передачи эмоций и оценки. Мнения «защитников» жаргона вполне согласуются с приведенным высказыванием В. М. Мокиенко: *«Даже легче, когда слова, которые привык произносить по-английски, встречаешь в интерфейсе или на англоязычном сайте и уже знаешь их значение. Но опять же – мера нужна во всем.... Проникновение компьютерного сленга в национальный язык сейчас норма не только в России. ...От этого никуда не денешься. Пока в ходу была латынь, как международный научный язык, в национальные языки про-*

никали латинизмы, сейчас такая ситуация с английским. ... Скоро будем в русском языке юзать всяческие компьютерные заимствования, особо не обращая на это внимания. ... Просто тупо (законодательно, например) защищать язык от американизирования бесполезно, потому что это часть культурных процессов, по-моему. А также – реальной ситуации в мире. Придумали бы Интернет в России, глядишь его и называли бы во всем мире “Setka” или “MezhSetka”. Русский язык всегда был силен тем, что умел принимать в себе заимствования и ассимилировать их, делать «родными», за счет чего обогащался в том числе. Но все хорошо в меру, правильно?» (запись 2004 года); «Русский язык давно пополняется заимствованиями. Открой словарь – исконно русских слов ты практически не найдешь. Интеграция – это вполне естественный процесс. А русский похож на живой организм: что-то не приживется, что-то станет очень родным. Или ты из тех, кто галюши величает мокроступами? А сленг – это тоже часть культуры, только очень узко-профессиональная. Это всегда было и есть. Так людям проще общаться между собой. ... Остается только надеяться, что некоторые жаргонные слова не приживутся» (запись 2004 года). «Мода» на многие жаргонные словечки со временем пройдет, язык воспримет только то, что действительно необходимо. Вряд ли можно серьезно ожидать, что «исконно русские» новообразования смогут заменить уже привычные многим слова. Например, вместо компьютер – числомер; плагин – втыкалово; драйвер – рулилово; файл – документ; апгрейд – модернизация; апдейт – обновление; аська – интернетпейджинг и т. д.

О том, что мода на «злоупотребление» компьютерным жаргоном некоторым образом проходит, может свидетельствовать тот факт, что наибольшее количество произведений (преимущественно юмористических, как например, «Три сисопенка» Дениса Садошенко, «Компьютерные сказки для компьютерщиков и их детей» Николая Копылова или широко известные «Гуртовщики мыши» или «Библия программиста»), изобилующих жаргонизмами, публиковалось (в первую очередь в сети Интернет) в 1996–2000 годах. Обилие подобных произведений позволяет говорить, вероятно, о возникновении особого направления Интернет-литературы. Большой популярностью среди молодежи пользовались произведения Сергея Лукьяненко «Лабиринт отражений», «Фальшивые зеркала» и «Прозрачные витражи», само действие которых происходит в основном в виртуальной реальности. В этот же период возникло огромное число анекдотов на компьютерную тему, обыгрывающих различные ситуации: 1. **Антивирусная программа**: «Обнаружен вирус!!! Что делать??? – вылечить; переместить; удалить; игнорировать; послать другу...». 2. **Хакер** читает внуку сказку: «... Стал он **кликать** золотую рыбку...». – Деда, а почему рыбку? – А потому, дружок, что **мышек** тогда еще не было. 3. **Падает комп с 16-го этажа** и думает: «**Вот сейчас бы зависнуть...**». 4. – **Когда выйдет новая версия Windows?** – **Тогда, когда Microsoft соберет и стандартизирует глюки старой версии...** 5. **Унаси Вас Бог сесть за компьютер Админа. Вас укусит Мышка, обматерит Клава, а сам Админ из Щупленького очкарика превратится в...** . Хотя лучше Вам этого не знать. 6. **Разъяренный Админ не нервно моргает, а материт Вас, используя двоичный код.** 7. **Выражение Админа "завести нового пользователя" не означает смерть последнего на российских болотах.** В подобных анекдотах наравне с жаргоном используются и «официальные» компьютерные термины. Заметим, что постепенно тематика этих анекдотов расширяется,

выходя за рамки «околокомпьютерной» сферы: 1. *Ползет по улице в дымину пьяный хакер. Еле руки и ноги передвигает. А навстречу ему другой, трезвый: – Слушай, Вась, ты чего? Ведь ты же неделю назад закодировался? – Ага! – Ик! – А я ...– Ик! – в-вчера к-к-код подобрал.* 2. *10 сходств Президента РФ и Windows: работают, но постоянно глючат; никто не знает, чего от них ожидать; никому не нравятся, но вынуждены терпеть; никто не знает смысл их сообщений; имеют друзей по имени Билл; ожидаемая смена версий в 2000 году; оба имеют кнопку «Пуск» (у одного в чемодане, у второго на рабочем столе). Но у Windows есть бесспорное преимущество: при зависании всегда можно нажать кнопку Reset.* 3. *И-нетчик* слушает, как на улице две бабки что-то увлеченно обсуждают. И так громко, и быстро. «Какой **трафик!**» – восхищенно подумал И-нетчик. 4. *И-нетчик* пришел на выборы. Ему дали избирательные бюллетени. Он долго их вертел в руках, а потом подошел обратно к столику: – Так я не понял – где тут **кликать?** 5. *И-нетчика* спросили: – Что такое WWW? – Это МММ в подполье. Однако в последние годы пополнение «электронной библиотеки» несколько замедлилось.

Можно выделить несколько важнейших особенностей, которые отличают компьютерный жаргон как подсистему языка. Во-первых, это высокая скорость обновления жаргонизмов. Так, современные студенты «компьютерных» специальностей знают и активно используют не более трети жаргонизмов, зафиксированных «Словарем молодежного сленга» Т. Г. Никитиной (СПб.: Норинт, 2003) и «Словарем англицизмов» (ИТИ технологии. М., 2004), в которые включены записи употреблений жаргонизмов 1996–1998 годов. Во-вторых, довольно незначителен пласт жаргонизмов, используемых отдельным носителем компьютерного жаргона. Один из современных онлайн-словарей компьютерного сленга Дениса Садошенко (1997) насчитывает около 1600 лексических единиц. Таким обширным лексиконом не располагает даже компьютерщик с очень большим стажем. Анализируя материалы чатов и форумов в сети Интернет, можно предположить, что, по всей видимости, на использование компьютерного жаргона во многом влияют компетентность, возраст и социальный статус участников коммуникации. Считается, что мужчины чаще, чем женщины, используют в речи жаргонизмы, а представители младшего поколения, спокойно относясь к использованию ненормативной жаргонной лексики, широко употребляют компьютерный жаргон.

Еще одна важная особенность компьютерного жаргона обнаруживается при рассмотрении способов образования жаргонизмов. Подавляющее большинство жаргонных выражений представляют собой не новообразования, как можно было бы предположить для столь динамично развивающейся области. Однако для обозначения новых реалий активно используются уже имеющиеся единицы из арсенала языка, которые либо сохраняют исходную форму, либо трансформируются. Эта тенденция характерна не только для новых номинаций на уровне лексики, но и на уровне составных наименований, как терминологических, так и жаргонных [9].

При этом одним из главных отличий компьютерного подъязыка от бытового жаргона лингвисты считают наличие у него письменной формы, что позволяет говорить о некоторой стабильности жаргона и фиксировать факты и явления, с ним связанные. Исследователь компьютерного сленга Н. В. Виноградова отмечает, что также «наблюдаются по-

пытки кодификации компьютерного подъязыка со стороны его носителей в виде многочисленных словарей ... Тем самым происходит (пусть в недостаточно квалифицированном варианте) нормирование рассматриваемого подъязыка, т. е. процесс, отмечавшийся ранее именно у литературного языка в ходе его становления на базе общенародного. Наличие письменной формы и кодификация обуславливают выполнение компьютерным жаргоном большого количества языковых функций, сопоставимых с функциями литературного языка» [6, с. 203–204]. Основными функциями, выполняемыми компьютерным жаргоном, Н. В. Виноградова называет: коммуникативную – передачу информации, существенной для участников коммуникации, и фатическую (или контактоустанавливающую). Широко реализуется жаргоном и когнитивная функция. Компьютерный подъязык играет ведущую роль в осмыслении и освоении виртуальной реальности – мира, порожденного самими компьютерами. Можно говорить также и о наличии консервирующей функции, так как на компьютерном жаргоне создаются многочисленные тексты, уже упоминавшиеся ранее и хранящиеся затем в электронных библиотеках. Метаязыковая функция компьютерного жаргона обнаруживается при обращении к словарям компьютерного жаргона (сленга), которые составляли их носители. Зачастую при толковании того или иного жаргонизма используются элементы самого жаргона.

Тематически компьютерный подъязык образует несколько групп:

1. Компьютер, названия оборудования, деталей и составных частей компьютера (ПК – *машина, тачка, аппарат, банка, бандура, числогрыз*; клавиатура – *Клава, кеборда*; жесткий диск – *винчестер, винт, вертушка, жужулятор*).
2. Названия программных продуктов, отдельных программ, команд и файлов (файл – *файло, файлик*; сбой в работе программы – *глюк, косяк*).
3. Названия операций и отдельных действий (работать с мышью – *кликать мышкой, кликать по иконкам*).
4. Названия людей, занятых тем или иным видом деятельности, связанной с компьютерами (*юзер, ламер, хакер, админ, сисадмин*).
5. Названия фирм-производителей оборудования и программ (*винды, виндуза, виндусятник*).
6. Вред, наносимый компьютеру (*крякнуть программу, заразить компьютер, троянец, программа посыпалась, комп сдох*).
7. Интернет и все, что с ним связано: технические устройства, требующиеся для работы в Интернете, способы общения и т. д. (*модем, провайдер, чат, блог, бан, банить*).
8. Компьютерные игры и люди, увлеченные ими.
9. Повседневный жаргон, включающий оценочные слова, употребляемые в процессе работы за компьютером (*рулез, сакс*).

Следует отметить, что данная классификация является лишь предварительной, возможно выделение более мелких подгрупп в составе практически каждой тематической группы.

Первоначально компьютерный жаргон был призван обслуживать профессионалов в области компьютерных технологий, был языком «избранных». Затем границы «компьютерной» социальной группы стали постепенно размываться: в настоящее время жаргон используется для общения специалистов, программистов, пользователей компьютеров самого раз-

личного уровня, любителей компьютерных игр, пользователей Интернета и завсегдаев форумов и чатов. По многим параметрам компьютерный язык похож на другие подъязыки, однако по набору функций он существенно опережает их. Можно говорить о «подвидах» компьютерного подъязыка в целом, так как лексикон геймеров (фанатов компьютерных игр), например, значительно отличается от языка специалистов.

Русский компьютерный подъязык является в некотором роде уникальным материалом для исследования. Компьютерный язык, и жаргон в особенности, претерпевает постоянные изменения, что позволяет рассматривать жизнь отдельных слов и словосочетаний от их появления в языке и до исчезновения, понять законы развития и функционирования этой подсистемы русского языка. Подвижность лексики обусловлена прежде всего экстралингвистическими причинами: устаревание и обновление компьютерной техники и программного обеспечения влечет за собой изменения в составе жаргона. Несомненно, что чрезвычайный динамизм в развитии самой сферы информационных технологий приводит к тому, что на фоне достаточно большого количества работ по этой теме, появившихся за последние годы, исследования в этой области лишь набирают силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки: Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века. М.; Л.: Наука, 1964.
2. Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминосистем // Вопр. терминологии и лингвистической статистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. С. 82–94.
3. Мокиенко В. М. Слово о словаре англицизмов // Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы / ИТИ технологии. М., 2004. С. 5–10.
4. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003.
5. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия / Под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1996. С. 142–161.
6. Виноградова Н. В. Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции // Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул, 2001. С. 203–216.
7. Трофимова Г. Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М.: Изд-во РУДН, 2004.
8. Русакова Е. Б. Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование: Автореф. дис... канд. филол. наук / РГУ им. И. Канта. Калининград, 2007.
9. Смирнова Е. А. Именные словосочетания в составе специально «компьютерного» языка // Изв. СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Сер. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 1. С. 109–116.

E. A. Smirnova

SOME PECULIARITIES OF SPECIAL COMPUTER LANGUAGE JARGON

Some semantic and structure peculiarities of computer jargon in Russian special computer vocabulary are considered. It is mentioned that the most productive ways of language enrichment are the borrowings. Some functions and theme groups of jargon are discussed.

Borrowings, foreign words, computer sublanguage, terminology system, special words, computer jargon, slang, special computer vocabulary, literal language

ФАНТОМ ДВОИЧНОСТИ В СТРУКТУРЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Посвящена проблеме деформации в сложном слове. Анализируются различные типы инверсии, расщепления и вставки. Исследуются отличительные черты семантики термина-композиата.

Двусторонняя семантическая связь, скрытая двусмысленность, семантическая конденсация, бинарная структура, сдвоенный центр, семантизация

Словосложение относится к числу наиболее продуктивных способов расширения словарного объема немецкого языка, так как «половина существительных зоны высоких частот (437 из 929) имеет в своем составе две, три, а иногда четыре лексемы» [1]. Национальную привлекательность данного явления исследователи объясняют тем, что «говорящий по-немецки привык соединять слова в композиты, причем многие образования не повторяются как однажды созданные, но спонтанно слагаются тысячи раз» [2].

Одним из сопутствующих проявлений динамики этого вида словообразования является отсутствие предложно-падежных показателей связи и порядковое представление непосредственно составляющих (НС), которое используется как единственная опора для семантических ассоциаций, как модель смысловой организации композита:

Basisring, Ringbasis – базовое кольцо

Grenzspannung, Spannungsgrenze – предельное напряжение

Verzögerungszeit, Zeitverzögerung – время выдержки

Интеграция значений в парах демонстрирует, с одной стороны, параллельное протекание процессов образования композитной семантики, с другой – рабочая номинация термина будет существенно отличаться от его смысловой интерпретации, если учитывать, что порядок следования НС подразумевает и альтернативную расшифровку. Действительно, здесь два явно различимых, формально противопоставленных и сопоставленных друг с другом сложных слова отождествлены в едином, обобщенном значении. Но последнее есть результат дифференцированного перебирания взаимодействующих значений, так как в функции определяемой и определяющей основ слова может выступать любой компонент. Поэтому вполне оправданно предполагать, что противоречивому объединению несовместимых структур содействует фантом двойной связи между НС:

Anschluss : Draht /проволочный вывод/

Draht : Anschluss

Glas : Faser /стеклянное волокно/

Faser : Glas

Nadel : Kristall /игольчатый кристалл/

Kristall : Nadel

Rest : Gas/остаточный газ/

Gas : Rest

В таком случае сдвоенный центр симметричных цепочек становится функционально необходимым (остаются семантически незаполненные места) адаптационным пространством, поскольку включает импликацию разнонаправленного перемещения НС:

Diodenrauschen – шум диода
 Rauschdiode – шумовой диод
 Frequenzschwankung – колебание частоты
 Schwingungsfrequenz – частота колебаний
 Schichtwiderstand – пленочное сопротивление
 Widerstandsschicht – резистивный слой

Словарные дефиниции показывают, что композитные значения семантически противостоят друг другу и в то же время могут быть объединены по части сходных признаков, что свидетельствует о противоречивости бинарной структуры. С точки зрения информативной целесообразности аннигиляция несовместимости, процедура снятия внутреннего противоречия, должна ориентироваться за пределы композита и своей фиксированностью нуждается в выборе ситуативно подходящего обозначаемого. Эту тенденцию – поиск необходимого компонента – косвенно подтверждают многочисленные триады с усечением в центре, которые рассматриваются как варианты полных слов:

Dotierungs (fremd) stoff – легирующая примесь
 Fremd (stoff) ion – примесный ион
 Grenz (schicht) effekt – краевой эффект
 Kontakt (grenz) schicht – приконтактный слой
 Koerzitif (feld) stärke – коэрцитивная сила
 Feld (stärke)linie – линия напряженности поля

Примечательно, что в постпозиции частотной двойки теряет смысловую нагрузку ее определяющий (левосторонний) компонент, в препозиции – определяемый (правосторонний). Усечение-раздвоение тернарных единиц может служить одним из наглядных приемов эвристического подхода к осмыслению бинарных структур, поскольку «при усечении слова создается семантическая конденсация, т. е. остаток сохраняет семантику целого» [3].

Вместе с тем, семантизация (раскрытие значения) биннома может прогнозироваться раздвоением-вставкой, имплантацией искомого денотата: в точке пересечения НС может оказаться избранная основа слова с общими для обеих частей признаками. При этом «мы часто должны расклинивать уже существующие композиты, когда появляется новое определение: Schachmeister + gross дает в итоге Schachgrossmeister, а не Grossschachmeister» [4], так как «в связи с ростом числа мастеров оказалось необходимым выделить мастеров, добивавшихся постоянно выдающихся результатов» [5].

Вариативность подобного типа структур обусловлена тем, что принимающий композит не является пассивным, но задает смысловую ориентацию входящего компонента, регулируя его приспособляемость и характер спаянности с полярно расположенным НС:

Kupferdraht	– (медная проволока)	+ rund (круглый)
Kupferrunddraht	– круглая медная проволока	
Stromkreis	– (цепь тока)	+ resonanz (резонанс)
Stromresonanzkreis	– параллельный резонансный контур	
Stromkreis	–	+ Versorgung (питание)

Stromversorgungskreis – цепь (электро) питания
Stromkreis – + messen (измерять)
Strommesskreis – цепь измеряемого тока

Предписывающие условия работы механизма словопроизводства меняют исходный смысл последовательности знаков. Новые компоненты ищут сближения со своими словами-соседями. В одних случаях в фокусе смыслопорождения оказывается правостороннее направление (Kupferrunddraht, Stromresonanzkreis), в других – семантика актуализирует левостороннюю упорядоченность (Stromversorgungskreis, Strommesskreis). Иначе говоря, в качестве смыслоразличителя здесь выступает разнонаправленность структуры слова, включающая, по мнению академика В. Н. Топорова, «возможность левонаправленного движения (вспять), постепенность в «чтении» слова и текста, открывающая возможность перескоков через соседнюю букву (или буквы) в обоих (как вправо, так и влево) направлениях и возможность многократного повторения «туда-сюда» движений, в связи с чем становится актуальной категория «обратности» движения» [6].

Анализ различных видов деформации показывает, что амбивалентность бинарной структуры предполагает выбор одного из способов семантизации терминологического композита. Наличие этого дифференцированного представления двойственности ассоциативных связей довольно ясно прослеживается в дефинициях трикомпозиата, где центральный элемент оказывается осью симметрии к другим НС, способной к двойному функционированию в структуре сложного слова.

Feinstellwiderstand – установочное сопротивление точной регулировкой
Festspeicherelement – запоминающий элемент постоянной памяти
Zeilenausgangsübertrager – выходной трансформатор строчной развертки
Wiedereinstellgenauigkeit – точность установки в исходное положение
Grundstellungstrigger – триггер возврата в исходное положение
Primärwindungszahl – число витков первичной обмотки
Sekundärwindungszahl – число витков вторичной обмотки
Ausgangswindungszahl – число витков выходной обмотки
Lagerwickelmaschine – станок для намотки многослойных обмоток

Факты двусмысленности, фиксируемые толкованиями, обусловлены дуальными семантическими связями компонентов, занимающих интерпозицию, которые ввиду идентичности внешней стороны и при различии их значений можно признать композитными омонимами. Этот феномен структуры сложного слова находит подтверждение в законе психологического взаимодействия части и целого, согласно которому «восприятие частей определяет восприятие целого, но в то же время восприятие целого преобразует восприятие его частей» [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абызова Э. Б. Статистическое исследование структуры немецких существительных. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988.
2. Möller G. Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie. Leipzig: VEB, В. 2. 1970.
3. Антропова Н. А. Словообразование в сфере немецкой разговорной лексики (на материале имен существительных). М.: Прометей, 2005.

4. Lemmer M. Falsche Wortzusammensetzung// Sprachpflege. Leipzig: VEB, 1961. №. 1.
5. Виноградова Е. В. Концептосфера «шахматы» в современной русской лингвокультуре// Междунар. сб. науч. тр. Вып. 12. Саратов: Науч. книга, 2006.
6. Топоров В. Н. «Буквенность» и смыслы//Человек. Искусство. Общество. Закон целого. М.: Наука, 2006.
7. Клычкова З. И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1973.

B. N. Yakovlev

PHANTOM OF AMBIVALENTY IN THE STRUCTURE OF TERMINOLOGICAL MEANING

The work is devoted to the problem of deformation in compound word. Different types of inversion, division and insert to the word are analyzed. The distinctive features of the meaning of the term-composite are discussed.

Two-way semantic communication, implicit ambiguity, semantic condensation, binominal structure, double centre, presentation